

111. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

Ольга Зиновьева.

Александр Зиновьев: творческий экстаз

Судьба Александра Зиновьева как писателя поразительна, можно смело утверждать — уникальна. Впрочем, все, связанное с жизнью и творчеством этого удивительного генератора мыслей, — независимо от сферы приложения его силы и таланта, идет ли речь о Зиновьеве-мыслителе, о Зиновьеве-художнике, о Зиновьеве-социологе, о Зиновьеве-логике, о Зиновьеве-поэте, — поражает. Поражает размерами личности, потрясает качеством и объемом продукции его лаборатории мысли, восхищает смелостью и новаторством. Независимо от вашего отношения к творчеству этого человека-легенды, вы его с неизбежной необходимостью называете личностью, адекватной эпохе синтеза культуры и науки, личностью эпохи Ренессанса.

Известно уже, что свое первое литературное произведение он опубликовал в 1976 году, когда ему было почти 54 года. В таком возрасте обычные, «нормальные» писатели уже подводят итоги своей многолетней творческой деятельности, издают многотомные собрания сочинений, учат других литературному уму-разуму, а то и вообще завершают свою писательскую карьеру. А Зиновьев только начинал. Обычные писатели входят в литературу постепенно, шаг за шагом накапливая мастерство, смелость и известность. Александру Зиновьеву уже его первый роман принес сенсационную мировую известность. Как писали в западной прессе тогда, 25 лет тому назад, Зиновьев, как метеор, вырвался на высоты мировой литературы, положив начало новому литературному жанру, новаторскому как по изобразительным средствам, так и по мощнейшему содержанию его победоносного романа. Сам Александр Александрович назвал этот жанр социологическим по содержанию и синтетическим по форме и по средствам. Книга эта (я имею в виду, конечно же, «Зияющие высоты») была молниеносно переведена более чем на два десятка иностранных языков; число статей, теле- и радиопередач, посвященных ей, было просто практически невозможно сосчитать. Какой эффект она произвела в душах и умах людей, живших и работавших в сложное и противоречивое время, о котором сейчас никак не могут договориться — каким его считать: революционным взлетом или черным провалом! Эффект необычайный, сильный, болезненный, эффект сродни потрясенной реакции близких на результат объективно-безжалостного консилиума врачей, выносящих приговор больному. К особенностям того времени, много смысленности высказываний и способности моих современников читать между строк, а также профессиональности стражей порядка можно было бы, пожалуй, отнести тот удивительный, прямо-таки оглушительный эффект громового умолчания, которым пытались замаскировать, спрятать от мира и от самих себя тот самый эффект, не могущий быть выраженным внешне, не зафиксированный в печати и средствах массовой информации СССР.

Первое опубликованное литературное произведение Александра Зиновьева вышло в свет на Западе, его литературной родиной стали Франция и Швейцария. В Советском же Союзе, у себя дома, он за это был жестоко наказан. И вот что любопытно: хотя советский режим, на который сваливали вину за расправу с Зиновьевым, рухнул; хотя книги Александра Зиновьева стали печатать в России, тут по странному умолчанию избегают говорить о нем именно как о писателе, который опубликовал множество литературных произведений, ставших мировыми бестселлерами и входящих в обязательные литературные программы ряда западных школ и университетов. Здесь, в России, об Александре Зиновьеве предпочитают говорить как о логике, философе, социологе и публицисте, но сопротивляются в признании его как писателя, внесшего огромный вклад в мировую литературу.

Сам Александр Зиновьев утверждает, что он стал писателем в силу стечения обстоятельств, случайно и даже поневоле. Я могу согласиться с таким утверждением лишь отчасти, да и то в том смысле, что в советских условиях он не имел никакой возможности реализоваться в качестве писателя, а профессиональная работа в сфере логики и методологии науки — в Институте философии Академии наук СССР и в МГУ — не оставляла ему буквально ни минуты для литературной деятельности. Оказавшись в эмиграции на Западе, с глубоким почтением признававшим за ним этот статус большого русского писателя, он зарабатывал на жизнь, подтверждая это высокое звание в силу сложившихся жизненных обстоятельств, на протяжении почти 21 года сочиняя социологические романы, повести, рассказы, поэмы и стихи и занимаясь драматургией. В связи с вышесказанным мне хочется упомянуть еще одно принципиально важное обстоятельство, характеризующее позицию Зиновьева-писателя на протяжении его жизни в эмиграции. С самого начала он осознанно занял позицию абсолютной независимости от каких бы то ни было фондов, грантов, стипендий, какими бы привлекательными и объемными они ни были. Принципиальная независимость, всегда и во всем, что и гарантировало неограниченную и бесстрашную свободу действий и независимость суждений Александра Зиновьева во всем его необъятном творчестве. Независимость во что бы то ни стало. А сегодня это — мало кому доступная привилегия рыцаря без страха и упрека.

По возвращении в Россию в 1999 году Александр Александрович вздохнул с облегчением — помимо всего прочего отпала необходимость в обязательном литературном труде. Но тем не менее тот факт, что он реализовался как писатель, конечно же нельзя считать случайностью. Он был подготовлен к этой роли всей необычайной многогранностью предшествовавшей жизнедеятельности, подготовлен основательно и всесторонне.

Творческое начало стало проявляться в юном Саше Зиновьеве уже со школьных лет. Он рисовал острейшие карикатуры для стенных газет (о Зиновьеве-художнике надо писать особо), делая к ним подписи — как правило, стихотворные. Сочинял несметное количество заметок и фельетонов, писал порой и рассказы. От школьной поры чудом сохранилось несколько стихотворений, одно из них («Первое пророчество»), написанное в 1939 году, вошло в книгу «Нашей юности полет» (1983).

Во время службы в армии и на фронте (1940 — 1946) он выпускал «Боевые листки», иногда — по несколько номеров в день, замещая порою целую редколлегию: сочинял фельетоны и стихи и, естественно, рисовал карикатуры. В 1942 году он пишет «Балладу о неизвестном курсанте», реставрированная редакция которой вошла в книгу «В преддверии рая» (1979), а позднее — в российское издание «Зияющих высот» (1989).

Весной 1945 года Зиновьев сочиняет стихотворение «Гост», которое включено в книгу «Светлое будущее» (1978). Вулканическое извержение стихов и рассказов, которые невозмож-

но было публиковать: узнай органы государственной безопасности, кто был автором стихотворения «Тост», жизненный путь Зиновьева был бы прерван уже в 1945 году, — характеризовало военный период его жизни. В 1946 году он демобилизуется из армии, увозя с собой чемодан, переполненный рукописями: он твердо решил стать писателем.

По возвращении с войны Александр показывает одну из его законченных повестей двум маститым писателям, причем один из них — это светлой памяти Константин Симонов — посоветовал повесть уничтожить, если автору дорога еще жизнь, а другой — не хочется называть этого человека по имени — элементарно донес об «антисоветском памфлете» в органы государственной безопасности. К счастью, Зиновьев успел последовать совету Симонова: во-первых, он смог забрать рукопись повести у доносчика и, во-вторых, когда на другой день к нему пришли с обыском, то не нашли даже отдельной странички от чемодана рукописей, ибо он уже успел все уничтожить... Вот таким образом закончилась первая попытка на пути писательской карьеры, по сути, даже и не успев по-настоящему начаться. Должно было пройти еще 30 лет, прежде чем он решился опубликовать на Западе свои «Зияющие высоты». Кстати, ту уничтоженную повесть, о которой говорилось выше, он частично восстановил, находясь уже в эмиграции, и опубликовал в книге «Нашей юности полет» (1983) под названием «Повесть о предательстве».

Должна заметить, что тридцатилетняя «литературная пауза» вовсе не означала, что Александр насовсем отошел от литературы. В Советском Союзе в послевоенное время возникло и приобрело всенародный размах уникальное для нашей страны устное литературное творчество — так называемый интеллигентский фольклор. Появились многочисленные сочинители и рассказчики шуток, анекдотов, побасенок, каламбуров, коротких острых и ядовитых историй. Нетрудно догадаться, что Зиновьев в этих новых условиях стал уже профессионально заниматься тем, чему он отдавался с такой страстью на протяжении многих лет войны. К тому же он регулярно поставлял шутки, сатирические стихи и злующие фельетоны — плоды своего устного творчества — и на полотнища стальных газет. Сочинениям такого рода обычно соответствовали какие-то конкретные события. Естественно, кое-что из этого потом вошло в книги, опубликованные на Западе. Здесь мне кажется уместным привести характерный пример из этого специфического периода творчества Александра Зиновьева. В нижеприведенном фельетоне «В свете солнечного затмения» (реставрация его опубликована в книге «Мой Чехов», 1989) обыгрывалось реальное солнечное затмение.

Хотя солнечное затмение продолжалось недолго, за это время на факультете произошли серьезные события. Ассистент кафедры научного коммунизма совратил студентку первого курса. У преподавательницы немецкого языка украли сумку с деньгами. На двери деканата написали ругательство. В медицинском институте, расположенном рядом с факультетом, украли руку и засунули ее в портфель доцента по критике реакционной западноевропейской философии. Короче говоря, случилось многое такое, вследствие чего пришлось устраивать общее собрание факультета. На собрании с обстоятельным докладом выступил секретарь партийного бюро. «Советские трудящиеся, — сказал он, — провели очередное солнечное затмение организовано и с чувством глубокой ответственности. Но в свете солнечного затмения обнаружались отдельные теневые стороны в воспитании подрастающих поколений. В нашем здоровом коллективе обнаружались отдельные неустойчивые в морально-политическом отношении элементы, которые злоупотребили...» Когда разбиралось персональное дело безнравственного ассистента кафедры научного коммунизма, выяснилось следующее, усугубившее его вину, обстоятельство: он не знал, что в этот момент «в стране осуществлялось столь важное мероприятие». И ему объявили выговор по партийной линии за то, что он не читал газет. Доцент, занимавшийся критикой реакционной буржуазной философии, очень гордился тем, что ему засунули в портфель руку, предназначенную для практических

занятий студентов медицинского института. Это было, пожалуй, самое сильное переживание в его жизни.

Помимо блистательных литературных импровизаций в интеллигентских компаниях Москвы, острослов-фронтвик широко практиковал их на уроках в школах, где он преподавал логику и психологию, в лекциях в различных институтах и в Университете, а также в публичных выступлениях и даже в пропагандистских лекциях, которые ему приходилось читать в порядке общественной работы. Кстати, одна из таких лекций («Руководители») потом вошла в качестве важного раздела в «Зияющие высоты». В этом разделе вы видите образцы «узкой специализации» Зиновьева в области насмешки, саркастической издевки над советским социальным строем, представителями власть предержащих и марксизмом-ленинизмом в целом. Вот, например, так он препарировал марксистскую идею эксплуатации человека человеком: при капитализме один человек эксплуатирует другого, а при коммунизме — наоборот. Марксистскому определению производственных отношений он придумал такой вид: производственные отношения суть отношения между людьми в процессе их производства. В моем присутствии и зачастую с моим непосредственным участием рождались характерные зиновьевские хохмы вроде «легавого марксизма» или «Наша цель • — КОММУНИЗМ» — говорят артиллеристы.

Приведу еще один пример, как конкретное событие преломлялось через литературно-критическую призму аналитика-наблюдателя Александра Зиновьева. *«Наша университетская агитационная бригада, — рассказывает Александр Александрович в компании слушателей, — ездила по деревням Московской области с концертами самодеятельности и, само собой разумеется, с пропагандистскими лекциями. Давали мы концерты и москвичам, работавшим в деревнях на уборочных работах. Как-то перед очередным концертом проводилась лекция, связанная с каким-то решением ЦК КПСС. По ходу лекции лектор привел слова Ленина о том, что при коммунизме кухарки будут управлять государством. Наступила странная тишина. Все присутствовавшие повернулись в сторону полной розовощекой женщины. Потом мы узнали, что она была поварихой (т. е. кухаркой, говоря попросту) в их бригаде и вела себя так, как в таких случаях и ведут себя нормальные советские люди, т. е. воровала, заводила блат, фальсифицировала и без того плохую еду. Кто-то в зале сказал, что если государством будут управлять кухарки, то мы все с голоду помрем. Начался смех и галдеж. Но вороватая повариха не растерялась. «Успокойтесь, — невозмутимо заявила она, • — при коммунизме государство отомрет, так что даже и управлять будет нечем».*

Или вот другая байка. *«Один преподаватель Университета, доказывая нам всемогущество диалектики, ссылаясь, само собой разумеется, на Ленина. «Чему учил нас великий Ленин? — задавал он нам риторический вопрос. — Возьмите самое простое предложение, учил нас Владимир Ильич, например, «Лошади кушают овес», и вы откроете в нем все элементы диалектики». Эти лошади, кушающие овес, так прочно врезались нам в память, что заслонили собою все элементы диалектики. Один аспирант из азиатской республики (стал впоследствии академиком), сдавая кандидатский экзамен по философии, так и назвал в качестве первой особенности диалектики то, что она, диалектика, кушает овес».*

Не помню ни одного случая, чтобы в компании (тогда собирались бескорыстно и часто), в лекции или в публичном выступлении он не рассказал бы по подходящему поводу несколько баек такого рода. И до сих пор практикует Зиновьев этот стиль лектора-рассказчика, превращая свои серьезнейшие по содержанию лекции и публичные выступления в увлекательные литературные концерты.

Подрабатывая на жизнь в студенческие и аспирантские годы, Александр преподавал в школах и вузах, одно время читал лекции по логике и в Пожарной академии. По сему поводу он рассказывал такую новеллу, которую впоследствии, более чем 30 лет спустя, он припомнил и включил в книгу «Диктатура логики».

Мысль Сталина о том, что было бы полезно ввести преподавание формальной логики в учебных заведениях, была понята исполнительными подчиненными как приказ. А приказ был немедленно выполнен, причем — с избытком: логике стали обучать даже пожарников. Я случайно узнал о том, что есть вакансия в Пожарной академии, и срочно туда поехал.

Начальник Пожарной академии, подписав приказ о зачислении меня на должность преподавателя логики, попросил приблизить теорию к особенностям профессии пожарников. До сих пор не могу без содрогания вспоминать, как я занимался этим приспособлением формальной логики к интересам пожарного (или противопожарного) дела. Я просиживал днями и ночами над книгами, отыскивая хоть что-нибудь, напоминающее такую оригинальную сферу приложения логики, как пожары.

И вот я начал читать свой курс логики, ориентированный на особенности профилактики и тушения пожаров. Мои слушатели старательно записывали несусветную чушь, которую я нес, внутренне сгорая со стыда. «Пожар, — диктовал я, — есть горение вещей, к сжиганию не предназначенных... Дверь есть дырка в стене, туда называемая входом, а обратно — выходом... Вода есть жидкость, предназначенная для тушения пожаров и обнаруживаемая как в искусственных, так и в естественных водоемах, а также в системе снабжения означенной жидкостью жителей и животных населенных пунктов, а также для поливки растений...»

Наступила весна. Сошел снег. Зазеленела трава. Сюда вернулись стаи отдохнувших птиц. А мои уставшие от наук пожарники готовились к экзамену по логике. Они, как лунатики, бродили по территории академии, бормоча под нос мои противопожарные определения и силлогизмы. — Если гражданин, — бормотали они, закатив глаза под лоб, — заметил дым, исходящий из помещения, из которого он исходить не должен, то сей гражданин обязан немедленно вызвать по телефону «01» службу противопожарной безопасности... — Сократ... Тьфу, извиняюсь! Иван заметил дым, исходящий... — Нет дыма без огня, — слышалось из соседней кабинки в туалете... — Подливать масло в огонь, — шептал кто-то в забыты, — означает... — Американские империалисты раздувают пожар мировой войны, — слышалось за соседним столиком в буфете... — Товарищ Иванов сгорел на общественной работе, — громко чеканит седой полковник... — Заведующий овощной базой прогорел, — вторил ему молодой майор...

Наступил день экзаменов. На него прибыли представители из Министерства внутренних дел и из областного комитета партии... Н-да, одним словом, на новый учебный год меня не пригласили...

Интересно, а если бы Аристотель был вынужден зарабатывать на жизнь, преподавая логику в Пожарной академии, вошел бы он в историю как выдающийся мыслитель или нет?

Зиновьев — прирожденный импровизатор. Сочиняя бесчисленные остроты, шутки, анекдоты, стихи, короткие фельетоны и новеллы, он их никогда не записывал и не хранил, щедро делясь со слушателями и нисколько не заботясь о copyright на них, к тому же сохранить авторство было просто невозможно. Импровизация растворялась в котле интеллигентского фольклора тех лет — неповторимого литературного феномена советской эпохи. Кое-что сохранилось, впрочем, в архивах поклонников Александра (а таковые у него были со школьных лет), кое-что он сам сохранил в памяти и использовал впоследствии в опубликованных на Западе книгах.

* * *

В годы «литературной паузы» сложился специфически зиновьевский литературный язык, — лаконичный, по-научному точный, многоплановый, острый, ядовитый, парадоксальный. «Зияющие высоты» и другие литературные произведения Александра Зиновьева стали

мировой сенсацией не столько по их социально-политической направленности (этим в море антисоветской и антикоммунистической литературы тех лет никого удивить было нельзя), а по их литературной форме, и прежде всего — по необычному языку, поразительно содержательному, емкому и разящему. На Западе этому аспекту литературного творчества Зиновьева были посвящены многочисленные статьи и книги, среди которых следует в первую очередь назвать труды английского ученого (можно сказать — зинovieлогa) профессора университетов Лондона и Глазго Майкла Кирквуда, который на протяжении почти двух десятков лет неустанно и последовательно занимался лингвистическим анализом языка Александра Зиновьева, переводя результаты своих исследований в такие головокружительные профессиональные формулы, что когда я впервые увидела это, то, признаться, была потрясена тем математизированным видом выводов, к которым пришел Кирквуд, сумевший схватить в работах Зиновьева лингвистически-математическую архитектуру и услышавший мощнейшие аккорды логической симфонии и такую абсолютную гармонию, которая доступна лишь избранным.

Многочисленные западные авторы, писавшие о творчестве Александра Зиновьева, называли самые различные источники этого литературного чуда, кроме двух главных. О первом из них я уже весьма кратко рассказала: это — интеллигентский советский фольклор послевоенных лет и неповторимая идейно-психологическая атмосфера в кругах интеллектуалов Москвы тех лет. Вторым же источником явилась научная деятельность Зиновьева. Я считаю просто необходимым сказать о ней хотя бы в самых общих словах, ибо без этого новый период литературного творчества Александра Зиновьева (назову его писательским) понять правильно практически невозможно.

Основные жизненные интересы Александра были ориентированы на познание советского общества, которое формировалось на его глазах. Уже в юношеские годы он увидел, что это общество мало общего имело с тем, как его изображали в советской идеологии и официальной науке. Познать, каким оно является объективно, стало всепоглощающей страстью его сознательной жизни. Он прекрасно понимал, что научное исследование и описание реального социального строя Советского Союза (реального коммунизма, как он считал изначально) было исключено практически. И тем более было исключено предание гласности результатов такого исследования, если бы оные появились. И Зиновьев занимался своими «партизанскими» социальными исследованиями, скрывая их направленность и масштабы даже от близких друзей и сохраняя результаты своих размышлений в памяти. Ему в этом отношении здорово повезло: природа наградила его феноменальной памятью.

Шли годы. Читая бесчисленные книги на социальные темы, Александр все более ясно осознавал следующее обстоятельство, сыгравшее важную роль в его жизни: главным препятствием на пути к тому пониманию реального коммунизма, к которому он стремился, была не советская государственная идеология (марксизм-ленинизм) и не запреты, а отсутствие подходящей методологии исследования. Необходимо особое профессиональное образование — решает он. И вот, демобилизовавшись в 1946 году из армии, он поступает на философский факультет Московского государственного университета. В качестве узкой специализации он избирает формальную логику. Одновременно он занимается математикой по программе механико-математического факультета, специализируясь по математической логике. Интерес его к социальным проблемам не ослабевает, он остается основой его личностной ориентации, но отходит при этом на задний план. Проблемы логики и методологии науки захватили его — он всегда целиком и со страстью отдавался делу, которым занимался достаточно долго, а к моменту выхода «Зияющих высот» профессиональной работе в логике он успел отдать почти четверть века.

Работая в области логики, он убедился в том, что ее состояние фактически является не таким уж радужным, как это было принято думать, если смотреть на него (состояние) с точки

зрения методологии исследования эмпирических объектов, к числу которых относятся объекты социальные. Он разработал свою систему логики, в которой дал свое понимание предмета, задач и правил логики вообще, по-новому построил признанные разделы логики и радикально расширил сферу логики, включив в нее новые разделы, ориентированные на разработку методологии эмпирических наук, и в первую очередь — наук социальных. Эти исследования принесли Александру Зиновьеву мировую известность.

Логические исследования Зиновьева сыграли огромную роль в его социальных исследованиях. И прежде всего — в исследовании советского общества как исторически первого и классически развитого образца общества коммунистического типа. Как образца реального (а не идеологически воображаемого) коммунизма. Исходя из того, что в наше время информация о социальных явлениях имеется в избытке или в принципе может быть добыта исследователем-одиночкой, кем он всегда был (и без особых ограничений, замечу кстати), Александр сосредоточился на логической обработке языка социологии и разработке ее эвристических методов. Результатом его работы в этом направлении явилось то, что он впоследствии назвал **логической социологией**. Используя ее аппарат, Александр Зиновьев уже в начале семидесятых годов разработал основы своей теории советского общества как общества коммунистического типа. Именно эти результаты социальных исследований Зиновьева послужили вторым основным источником литературного творчества Александра Зиновьева наряду с его участием в интеллигентском фольклоре послевоенных лет, о чем я уже говорила выше. Престижная, редко кого отличающая, премия Алексиса де Токвиля и увенчала плоды его социологических исследований; этой премии была удостоена книга «Коммунизм как реальность», которую ныне покойный Раймон Арон назвал первым выдающимся профессиональным исследованием коммунистического советского общества. Эта премия короновала de facto Александра Зиновьева как ведущего и исключительного социолога-эксперта по проблемам коммунистического общества. Английский ученый Карл Поппер был вторым после Александра Зиновьева, кто был удостоен этой высокой чести. Книга «Коммунизм как реальность» стала настольным пособием, учебником для всех тех, кто специализировался на исследовании советского общества, кто стремился разобраться в феномене коммунистического мира. Книга выдержала много переизданий и не теряет своей новизны и справедливости оценок и поныне.

В творческой деятельности Александра Александровича Зиновьева можно различить логический, социологический, публицистический и литературный аспекты. Они всегда действовали совместно и слитно, так или иначе влияя друг на друга, что и порождало затруднения у авторов, писавших о Зиновьеве, в отношении классификации его сочинений. Кто он — философ, логик, социолог, публицист, политолог, писатель? И все же в силу обстоятельств жизни различные аспекты его творчества проявились как различные этапы. Если принять за основу характер публикаций, то период до публикации «Зияющих высот» (1976) можно считать логическим: в 1960 — 1975 годы были опубликованы основные логические сочинения профессора, доктора наук Александра Зиновьева, принесшие ему мировую известность в качестве логика. Признание его как выдающегося логика, входящего в тройку ведущих специалистов в этой области, проявилось помимо всего прочего в избрании его в действительные члены Академии наук Финляндии, куда одновременно с ним был избран академик Петр Капица.

С 1976 года началась публикация литературных, публицистических и социологических сочинений Зиновьева. Хотя и после 1976 года печатались отдельные логические работы (например, в 1983 году опубликован курс лекций по логике, прочитанный в 1978 году в Оксфорде), в 1976 году в жизни и в творчестве произошел переход от логического этапа к литератур-

но-социологическому. Это был, пожалуй, самый значительный перелом в его жизни. Мне довелось стать не только пассивным свидетелем, но и активным соучастником этого перелома. Как и почему произошел этот перелом, подробно описано в книге Зиновьева «Исповедь отщепенца», которая была написана на Западе в 1988 году к десятилетию эмиграции. Первая часть этой книги была впервые опубликована на русском языке в 1999 году в издательстве «Центрполиграф».

А вот сейчас уже с неизбежностью придется хотя бы кратко рассказать о том, как складывалась жизнь Зиновьева, какова была ситуация в стране и в мире в начале семидесятых годов, чтобы объяснить, почему и как произошел упоминавшийся выше перелом.

* * *

Александр Александрович Зиновьев родился 29 октября 1922 года в малюсенькой деревушке Пахтино в Костромской области, в Берендеевом царстве. В семье родилось 11 детей, Александр был шестым по счету. Отец по традиции, как все костромские мужики, уходил на заработки в Москву, где он освоил профессию маляра. Время от времени приезжал в деревню, где оставалась мать с выводком детей. С такой семьей в городе жить было негде, да и прокормиться было непросто. С другой стороны, прокормить семью исключительно крестьянским трудом было тоже трудновато, поэтому дети, подрастая, постепенно перебирались в Москву. Окончательно семья Зиновьевых порвала с деревней (уже с колхозом) лишь в 1946 году. Александр жил и учился в деревне, а с 1933 года — в Москве. Трудно сегодняшнему читателю представить себе ту реальную жизнь, в которую было погружено существование будущего писателя: крошечная комнатуха в 10 кв. м на 8 человек в вечно заливаемом водой подвале на Б. Спасской; без постели, без уголка, где можно было бы приткнуться, чтобы приготовить уроки; непреходящий голод, нищета... Летом Александр возвращался в деревню к матери, где продолжал работать в колхозе.

Вообще семья Зиновьевых славилась на всю округу многовековыми семейными традициями, ведущее место среди которых уделялось воспитанию самых важных человеческих качеств — честности, верности, стойкости, бесстрашия, патриотизма и трудолюбия. Александр с детства формировался как сознательная личность, принимая лучшие идеалы и усваивая систему ценностей, которую прививала детям в довоенные годы советская школа. Уже в детском возрасте он в альтернативе «быть или иметь?» выбрал для себя непоколебимо «быть», а в другом выборе «слыть или быть?» — тоже «быть». И вот таким убежденным и последовательным идеалистом он остался на всю жизнь. С другой стороны, он на самом себе испытал все те трудности и невзгоды, которые нес с собой реальный коммунизм; он наблюдал их и в отношении близких ему людей, видел нищету, неравенство, несправедливость, обман, жестокость, лживость и лицемерие пропаганды. Как цельная натура, он, болезненно переживая чудовищность и противоречивость коммунистического Левиафана, с неизбежностью неотвратимости уже в школьные годы стал антисталинистом, видя в личности Сталина олицетворение всего этого зла. Критическое отношение к реальному социальному строю страны Советов, который он воспринимал (и впоследствии рассматривал сознательно) как образец реализации идей марксистского коммунизма, стало неотъемлемой частью его сознания. А стремление понять сущность этого строя стало всепоглощающей страстью его жизни.

Будучи убежден в том, что коммунизм в Россию пришел на века, и видя дефекты этого социального строя, он в ранней юности принял решение стать революционером, но уже в рамках самого коммунизма как результата революции 1917 года. Неудивительно и логично поэтому его участие в маленькой группе безусых заговорщиков, намеревавшихся совершить покушение на Сталина в 1939 году. Он был арестован по доносу друзей, но не за это намерение, а за

открытое выступление против культа Сталина и за распространение правды о колхозах. Ему, как человеку неординарных поступков, умеющему реагировать мгновенно, удалось бежать при сопровождении его из здания на Лубянке на специальную квартиру. По нему был объявлен государственный розыск. Скрывался он вплоть до начала войны. В войну органы государственной безопасности потеряли его след, а он прошел войну до Берлина. До самой смерти Сталина антисталинистская пропаганда была главным делом его жизни. В послесталинские годы его захватила научная и педагогическая работа, но все равно ее направление определялось стремлением Зиновьева к построению немарксистского мировоззрения и научной теории реального коммунизма. И по мере того, как он добивался успехов в своей научной деятельности и приобретал широкую известность (его логические работы переводились на многие языки, он стал приглашаться на международные конгрессы, о нем писали на Западе, по ссылкам на его работы на Западе он опередил всех советских философов), у него зародилась и стала крепнуть надежда на то, что ему удастся предать гласности его размышления о коммунизме и марксизме как советской идеологии. А обстановка в Советском Союзе стала эволюционировать в таком направлении, что стало возможно кое-что в этом духе высказывать публично, без тех тяжелых последствий, какие были бы неизбежны за несколько лет до этого периода.

Теперь же мне хотелось бы обратить ваше внимание на один фактор советской жизни, который игнорируется во всех (насколько мне известно) критических сочинениях о Советском Союзе и о коммунистической системе вообще, но который сыграл важнейшую роль в судьбе Александра Зиновьева. Я имею в виду социальную среду. Обычно советское население делили на злое высшее руководство, якобы насилующее добрый и сердечный невинный советский народ, являющийся жертвой руководства. В реальности роль руководства страны не сводится только к насилию над подвластным народом, а управляемый народ не есть некая гомогенная масса насилуемых жертв. Как заметил Александр уже в школьные годы, марксистская идея бесклассового общества, основанного на дружбе, взаимопомощи, справедливости, равенстве, не реализовалась в Советском Союзе и в принципе не могла быть реализована; и в советском обществе происходило расслоение на различные социальные категории людей с неодинаковыми условиями бытия; и в этом обществе было неизбежно социальное и экономическое неравенство; и в нем складывались привилегированные слои (если читателю не нравится слово «классы»). На себе самом он постоянно ощущал объективные социальные законы коммунистического строя и обнаруживал, фиксируя, их в окружающей реальности как ученый, разрабатывавший свою научную теорию советского общества. Реальный советский народ — он проявлялся в реальных советских коллективах с определенными отношениями между членами коллектива и между коллективом в целом и его отдельными человечками-винтиками. Реальный советский народ — это социальная среда из разнообразных объединений людей, служившая оплотом социального строя и образующая механизм власти общества над индивидами. Зиновьев явился первым в истории социальных исследований, кто детальнейшим образом исследовал этот феномен социальной структуры коммунистического общества.

В силу необычных обстоятельств личной судьбы Александр сформировался так, что с ранней юности оказывался в положении отщепенца, ярко выраженного индивидуума в предельном личностном выражении. Хотел он того или нет, он оказывался в коллективах, в которых ему приходилось работать, он вращался в социальной среде, с которой ему приходилось иметь дело. Именно его из ряда вон выходящие способности в тех сферах общества, которыми ему пришлось заниматься, невольно выталкивали его на роль отщепенца и усиливали ее помимо воли и стремления самого Зиновьева, прирожденного самоотверженного коллективиста

(sic!). Именно исследование социальной среды советского общества (коммунальное™, по терминологии А. А. Зиновьева) дало ему богатейший материал для будущих литературных сочинений и послужило отправным пунктом в его социологической концепции. Взаимоотношения с этой советской средой (с «народом»), а не с властями, послужили важнейшим фактором в том жизненном переломе Александра, о котором идет речь. Этот перелом произошел как бунт Зиновьева против негативных явлений в самом фундаменте советского общества, в самой его социальной среде, в самой толще «народа», а не против поверхностных проявлений закономерностей реального коммунизма в пресловутых нарушениях демократических прав человека и в отсутствии демократических свобод, как это имело место в случае с либеральной фрондой и диссидентством 60-х и 70-х годов. Его жизненный путь лишь случайно совпал с упомянутыми движениями, а его индивидуальная, сугубо внутрикоммунистическая душевная драма, отражавшая глубинный поток человеческой истории, была утоплена в поверхностной пене истории, порожденной «холодной» войной и изнурительным советско-западным противостоянием.

Хочу особо подчеркнуть, что Зиновьев был исторгнут из советского общества той самой средой, которая впоследствии стала подпиткой и опорой горбачевской перестройки и ельцинской антикоммунистической контрреволюции. Это было доказано всем ходом разворачивания и исполнения гонений и беспрецедентной травли моего мужа по крайней мере на протяжении нашей совместной жизни. Среда, бесталанная в творчестве, злобно-напористая в агрессивном желании извергнуть, выбросить из профессиональной деятельности (независимо от сферы приложения) мешающего своей яркостью и моцартовской гениальностью Зиновьева, эта среда использовала власть, чтобы избавиться от него, создав ему репутацию антикоммуниста и антисоветчика. Пикантно: та же самая среда, успев наспех перекраситься и перелицеваться в годы перестройки, превосходно, инициативно, сыграла антисоветскую и антикоммунистическую роль через какие-то десять лет, открыто заявив об отрицании коммунизма и советизма и представив в свою очередь «антикоммуниста и антисоветчика» образца 1978 года Зиновьева уже, пользуясь красотами перестроечного новояза, как закоренелого «красного», как «коммуняку» и «совка» 1989 года. Ах, господа-товарищи начитанные елдырины!

Теперь, я надеюсь, становится понятно, почему именно эта пресловутая среда советского (коммунистического) общества стала основным объектом внимания Зиновьева-писателя. Любопытна реакция видного представителя этой среды, ставшего прототипом для одного из литературных персонажей «Зияющих высот», назвавшего эту книгу Зиновьева доносом на советскую творческую интеллигенцию. Удивляет одно: жертвой этого «доноса» стал тот, кто «доносил», а герои «Высот», т. е. те, на кого был «донос», и те, кому он якобы предназначался, дружными совместными усилиями расправились с «доносчиком» и более того, вскоре — не прошло и десяти лет — в своем озверело-зоологическом антикоммунизме и яростном антисоветизме значительно превзошли как осуждавшихся ими диссидентов, так и стоявшего особняком Александра Зиновьева. Чтобы разобраться в этом кажущемся парадоксе советской истории, необходимо внимательно прочитать сочинения Александра Зиновьева, где этот «парадокс» разъясняется исчерпывающим образом, начиная с так называемого молекулярного уровня.

* * *

Переход из логики в литературу явился проявлением глубочайшего душевного перелома в жизни Александра Александровича. Поэтому я отвергаю самым решительным образом всякие параллели и сравнения его творчества и судьбы с судьбой тоже логика и тоже писателя Льюиса Кэрролла. В судьбе последнего не было той драмы, через которую суждено было пройти автору «Зияющих высот».

Драма Зиновьева — это драма советского общества, драма советской истории, которая в значительной степени и определяла развитие и направление его душевного перелома.

Ко всем выше вкратце упомянутым элементам жизненного пути Зиновьева, определившим особенность формирования его личности и специфику его творчества, необходимо добавить позднее расцвет диссидентского движения, усиление репрессий со стороны властей против либеральных и критических тенденций в умонастроениях советских людей, эмигрантскую волну 60 — 70-х годов, превратившуюся в массовый исход и принявшую характер социальной эпидемии. И хотя Александр стремился оставаться в стороне от диссидентства, тем не менее к началу 70-х годов у него созревает острый конфликт с либеральной фрондой и коллегами по профессии. За его непохожесть и отличие от среды ему упорно создавали репутацию «внутреннего эмигранта», что само по себе было вполне достаточным поводом для КГБ постоянно отказывать ему в поездках на международные профессиональные встречи. Поэтому, показывая каким-нибудь гостям карту мира с непонятными значками, мы шутя называли ее «картой непоездок» Зиновьева на международные конгрессы, встречи и коллоквиумы за границей. Вспоминается эпизод, когда Александр, будучи заведующим кафедрой логики в МГУ, отказался уволить двух преподавателей — Юрия Гастева и Виктора Финна, связанных с диссидентами, за что был, естественно, сам немедленно снят с заведования кафедрой с соответствующей времени и событиям формулировкой.

Потом, как-то вроде бы автономно, стали возникать проблемы с публикацией его научных работ, не имеющих абсолютно никакого отношения к политике и идеологии: достаточно взглянуть хотя бы на одну страницу его профессиональных публикаций по логике, чтобы суметь заподозрить все эти формулы и значки в подрывных намерениях. Впрочем, басня «Волк у ручья» проливает какой-то свет на поведение тех, для кого Зиновьев был виноват уже тем, что им хотелось кушать... Стали откровенно чиниться препятствия для его студентов и аспирантов, и им приходилось менять научного руководителя, менять мировой известности школу Зиновьева на пристанище серых профессиональных бюрократов от науки.

Будучи человеком вкуса и исторической памяти, он выразил протест против непристойного заискивания перед Брежневым в «либеральном» журнале «Вопросы философии», членом редколлегии которого он был. Дело в том, что число ссылок на Брежнева в те времена на страницах «Вопросов философии» намного превысило число сносок на Сталина в махровейшем журнале «Под знаменем марксизма», бывшем для всех просвещенных и передовых мыслителей-шестидесятников символом мракобесия. Как и следовало — но не хотелось! — ожидать, в журнале перестали печатать статьи не только представлявших их авторов, но и работы самого Зиновьева. Ну и, естественно, философская принципиально-либеральная, откровенно заискивавшая перед властями, среда среагировала рефлекторно: протест Александра Зиновьева был определен как предательство общего дела (какого?). И тут уж ничего нельзя было больше поделывать: практически развернулся так долго сдерживавшийся и ожидавшийся с нетерпением бойкот Зиновьева. Лишившись элементарной защиты от атак на него со стороны коллег, Александр Зиновьев буквально сбрасывается профессиональным гиенам на растерзание. Как он часто с тоской повторял: «Господи, хоть бы было с кем достойным сражаться, чтобы враг был тебе адекватен... А то тут — одни пигмеи!» Да, верно, пигмеи, но их было видимо-невидимо, целый океан мелкой копошащейся и изнывающей от профессиональной импотенции и адской зависти серой никчемности, которая своей массой являла огромную уничтожающую силу.

В начале семидесятых годов он оказался в идейной, психологической и творческой изоляции в своей стране. Одновременно к нему сильно возрос интерес на Западе. Переводились его логические сочинения, участились приглашения на конгрессы и на постоянную работу. В пе-

риод 1971 — 1973 годов Александр написал целый ряд публицистических статей, которые были опубликованы в Польше и Чехословакии, — эти страны тогда играли роль посредников между Россией и Западом, роль своего рода полу-Запада. В эти же годы он часто выступал с публичными лекциями на самые различные темы, и лекции имели ошеломительный успех, в них Зиновьев проявил свои способности блестящего, легкого, увлекательного лектора, превращавшего свои выступления в интеллектуальные концерты. Обычно он импровизировал. По моему настоянию он стал некоторые из них записывать, обрабатывая их литературно. Они распространялись в «самиздате», имя автора при этом, конечно же, не указывалось. Многие, кому довелось читать эти сочинения (для них невозможно найти общее литературное название), давали им восторженную оценку именно как литературным произведениям. Часть этих сочинений потом без изменений вошла в «Зияющие высоты» в качестве самостоятельных глав, что вообще характерно для структуры и стилистики этого произведения.

Вследствие освобождения от заведования кафедрой, потери всех аспирантов и студентов, вынужденного сокращения лекций и освобождения от ряда обязанностей на работе, у Александра Александровича наконец-то образовалось свободное время, которое он мог беспрепятственно и безраздельно посвятить творческой деятельности, выходящей за рамки привычной профессиональной работы.

Вот таким образом и сложились все предпосылки для того, чтобы Зиновьев начал писать книгу. Мысль о такой книге у него появлялась не раз и до этого. Помню, однажды, когда мы жили в однокомнатной квартире на улице Вавилова и когда нашей дочери Полины еще и на свете не было, он предпринял попытку в этом духе, но она не удалась, — наверно, недоставало целого ряда условий, не сложились те исключительные обстоятельства, когда «сегодня рано, а послезавтра уже поздно», а главное — не было внутреннего убеждения, решимости начать дело и полной уверенности в том, что удастся создать нечто особенное. Теперь же эти условия были налицо, а потребность высказаться подмяла под себя все остальные соображения и отменила всякие сомнения. У него и название было для задуманной книги: «Зияющие высоты». Он носил его в себе еще с 1945 года, когда начал интенсивно заниматься литературным творчеством. Название, ставшее после публикации книги нарицательным и воспринимавшееся читателем как адекватное определение Советского Союза, он образовал из выражения «сияющие высоты», к которым нас, советских людей, заселивших одну шестую часть Земли и продуктивно снабжавших исторически-политически-социальное пространство вокруг нас такими плакатными и кумачовыми перлами, неутомимо призывали наши мудрые и бдительные вожди-руководители, которые точно знали, чем лучше всего заполнить сознание людей, не всегда согласных с реальностью.

1974 год — год написания Александром Зиновьевым «Зияющих высот». Книга захватила его целиком и полностью, захватила и меня. Одержимость и опаленность дыхания — вот, пожалуй, наиболее точное определение тому состоянию, в котором мы находились тогда. Это было как наваждение, это было выше наших сил, мы оба были абсолютно подвластны тому стремительному, властному потоку, который потом определился как КНИГА. Александр жил ею, дышал ею, думал о ней, мысленно и на бумаге отдельными штрихами, словами, обрывками фраз, стенографическими значками и логическими символами помечая мысль, сюжет, идею и образ этого грандиозного построения. На работе, дома, в пути, в гостях, на прогулке с Полинкой (ей не было и трех лет). До сих пор я поражаюсь одному: как наше окружение по сути не заметило, просто-напросто проморгало это наше лихорадочно-психологическое состояние? Александр работал днем и ночью, ощущение было такое, словно долго сдерживавшаяся лави-

на мыслей («литературная пауза» длилась все же почти тридцать лет!) вдруг прорвала плотину и устремилась неудержимым потоком на бумагу... Набросанные куски, отрывки, порою — строчки, он читал мне, если они были уже записаны, диктовал мне, диктовал, принимая горячую ванну. Уму непостижимо, как он выдерживал эту температуру воды — практически кипятик. Теперь, после трех с лишним десятилетий совместной жизни, я этому удивляюсь меньше, хотя он остается верен этой своей привычке и сейчас, когда ему необходимо концентрированно и напряженно поработать над какой-нибудь особенной идеей, а так как мозг этого удивительного человека — генератор мыслей — работает неумолимо, перелопачивая и выдавая на-гора результаты, которых хватило бы на творческую деятельность десятков людей, то можно понять, почему он по крайней мере через день проводит десять-пятнадцать минут в брутально-горячей воде: эта процедура помогает ему, по его выражению, «расширить мозговые пазухи». Случалось, он диктовал мне глубокой ночью, и я при этом не протестовала: рождалось нечто необыкновенное, и мое участие в этом процессе превращало мою жизнь в жизнь избранную, возвышенную, исключительную. Сан Саныч, как к нему обращались студенты, сказал как-то об этом периоде, что он лично переживал его так, как будто это был его последний боевой вылет на штурмовку важнейшего объекта противника (сравнение понятно, если вспомнить, что во время войны он был летчиком штурмовой авиации).

Написанное или продиктованное я в срочном порядке перепечатывала на машинке (вот где пригодилась моя скоростная машинопись) и прятала. Слово «прятала» тут принципиально важно. Условия, в которых писалась книга, были таковы, что в истории литературы навряд ли найдется другой писатель, сумевший создать сочинение такого масштаба в таких условиях. Александр никогда не скрывал своего критического отношения к советскому социальному строю, образу жизни и идеологии. Так как он открыто проявлял это в общении с друзьями, коллегами и знакомыми (его «фольклорная» деятельность), то вовсе не удивительно, что его считали, по выражению того времени, «политически неблагонадежным», естественным следствием чего являлось пристальное внимание к нему со стороны органов государственной безопасности, а буквальное воплощение этого внимания — небезызвестные осведомители («стукачи»), какими в те годы кишело советское общество, в особенности — интеллигентская среда. Советские власти по горло уже были сыты диссидентами и бунтовавшими деятелями культуры, понятны поэтому превентивные меры, принимавшиеся ими, дабы предотвратить новые случаи такого бунтарства. А характер, убеждения и способности Александра Зиновьева увлекать за собой людей были хорошо известны в среде тех, кто так или иначе имел дело с властями. Поэтому ему внимание со стороны властей было гарантировано, более того: оно было усиленным. Ощущалось оно по-разному — как во множестве мелких, так и в серьезных делах. Это, например, методичные запреты на поездки на Запад на профессиональные встречи и *de facto* прекращение публикаций его научных работ. Короче говоря, как было заявлено одним из знакомых «аппаратчиков», в ЦК было принято решение «не допустить создания культа Зиновьева».

В самом начале, когда Александр только начал писать «Зияющие высоты», он зачитал несколько отрывков одному близкому другу. Замечу кстати, я специально просила его никому пока ничего не показывать. «Нельзя же быть такой перестраховщицей!» — таков был ответ мужа, человека обычно сдержанного в вопросах, касающихся планов на будущее. Но дело-то именно в том, что все, связанное с «Высотами», не было обычным. Понятно, естественно, что ему хотелось увидеть, услышать другую реакцию, реакцию друга... К сожалению, я оказалась права. Его импульс был ошибочен: «друг» оказался гражданином с безотказным советским чутьем на «запретное», т. е. случилось именно то, чего я так опасалась, — друг проинформировал соответствующую организацию, что Зиновьев сочиняет «разоблачительную книгу». Так вот и произошло, что после этих «дружеских слушаний» надзор за мужем со стороны КГБ

усилился и стал носить уже регулярный характер. Нам стало ясно, что наше единственное и бескомпромиссное спасение — скорость. Надо было во что бы то ни стало опередить пресекающие меры органов, чьей властной прерогативой было помешать появлению книги (что с их арсеналом средств было весьма возможно). Александр лихорадочно писал, я стремительно перепечатывала, наши верные знакомые в самом срочном порядке переправляли уже сделанное кусками во Францию. Здесь были и русские, и французы, и итальянцы. Марина Микитянская, моя подруга-сокурсница по философскому факультету, где мы учились на вечернем отделении, впоследствии ставшая женой замечательного человека Жильбера Карофф, была нам очень близка по духу и настроениям; человек начитанный, умевшая жертвовать собою ради друзей — и в больших делах и в малых — она внесла значительную лепту в этот процесс.

Основную работу в этом непростом деле с большим риском для себя выполняли наши французские друзья — мальчики и девочки, приехавшие в СССР, чтобы на деле понять то, что они изучали в своих лицах о России и о Советском Союзе, о литературе, давшей миру такие фигуры, как Радищев, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Чехов, Горький, Шаламов, Солженицын... Удивительный энтузиазм в познании незнакомого русского феномена, жадность ко всему новому, чем болела и о чем до хрипоты спорила на кухнях московских, курских, пятигорских, владимирских, черновицких квартир советская интеллигенция, глубокая честность и исключительный такт и порядочность, — вот те основные черты, характеризовавшие наших друзей-славистов, журналистов и помощников, многим из которых тогда было не более 20 лет. Особую роль в нашей жизни в тот период, да и по сегодняшний день суждено было сыграть моей очень близкой подруге, дорогому человеку, впоследствии ставшей крестной матерью Полины. Это — Кристина Местр, заразившая своей увлеченностью всех своих друзей, которые без страха, неутомимо, день за днем, страничка за страничкой перевозили на Запад огромную рукопись, бескорыстно, не задавая вопросов.

Спасибо всем вам: тебе, Кристина, тебе, Марина, спасибо вам, дорогие Франсуазы, Элен, Митя, Андрей, Серж, спасибо тем, чьи имена я не упомянула, но кого помню и всегда буду рада принять у нас дома, опять в Москве, но теперь уже 25 лет спустя после выхода «Высот». Тема моей особой благодарности всем друзьям — моим и нашим — слишком велика, чтобы я могла позволить себе ограничиться одной фразой. Я обещаю вернуться к ней, но в другой, моей книге. Потом.

В общей сложности Александр на написание книги потратил где-то около полугода, но если бы он растянул этот процесс на более длительное время, то почти со стопроцентной уверенностью можно было бы утверждать, что тогда ни писатель, ни социолог Зиновьев на свет не появился бы. Какому стукачу, коллеге, знакомому пришла бы в голову мысль, что за такой блиц-срок может быть написана ТАКАЯ книга? Они прозевали рождение феномена Зиновьева, хотя сражались с ним с 1939 года. Если бы они предположили такое развитие сюжета, то уж наверняка бдительное советское общество сделало бы все от него зависящее, чтобы помешать этому. Поэтому триумфальное появление «Зияющих высот» было полной неожиданностью для всех, включая профессиональную среду, диссидентов, эмигрантов, советологов, кремленологов и саму советскую власть. Всего несколько человек знало о частях, главах некоей рукописи. Единственным читателем, соучастником, сопереживателем и критиком во всем грандиозном объеме этого явления с самого начала до выхода «Высот» в свет в силу обстоятельств, связавших нашу жизнь вплоть до сегодняшнего дня, довелось быть только мне. Какие чувства я испытывала и испытываю и сегодня, можно догадаться. Да я их, в общем-то, и не скрываю.

Условия, в которых писались «Зияющие высоты», в значительной мере определили форму книги. От начала до последней точки не могло быть уверенности, что удастся написать большую книгу: ведь процесс создания мог быть прерван в любую минуту и, кстати, не по нашей воле. Каждый фрагмент писался так, что, случись нечто непредвиденное, он смог бы

стать последним. Потому книга получилась как сборник из нескольких самостоятельных (из пяти) книг, и каждая из них, в свою очередь, как подсборник, или альманах, куда входили короткие произведения — новеллы, очерки, фельетоны, памфлеты, анекдоты, стихотворения. Сюжет в общепринятом, обычном смысле тут играл роль второстепенную. Единство же тексту придавали стройность и последовательность идей и персонажей, стиль языка, вектор и раскручивание мысли, сам способ мышления автора.

Считаю необходимым добавить следующее, немаловажное, замечание. Зиновьев писал сразу, без исправлений, как есть, как изливалось и выростало в объемный поток первого романа XXI века, — так назвала его восторженная пресса 25 лет назад. Всю редакторскую, критическую, корректорскую работу приходилось делать мне, причем — в ходе перепечатывания рукописи: ни до, ни после у меня не было физически и фактически времени на это, т. к., как я уже говорила выше, все тут же уходило из нашей квартиры, где нельзя было хранить ни строчки. В каких условиях я работала, очевидно, придется писать еще особо. Хочу только очень коротко остановиться на специфике. Печатать надо было без свидетелей. Когда? Ясно, что ночью, когда уже спала моя мама, жившая тогда вместе с нами на улице Кедрова в еще не отобранной властями квартире; когда уже посапывала, разметав косы по подушке, наша Потя-Полинка; когда спали бдительные соседи, обычно днем не спускавшие с нас глаз. Где и как? Конечно же на кухне! Машинку я обкладывала подушками, под стол подстилала одеяла, дверь на кухню баррикадировала подушками с бордового дивана из гостиной (диван потом, когда власти лишили нас крыши над головой, уехал в почетную ссылку к Асе Фединой, верному нашему другу, человеку редчайшей порядочности). В кухне делали «темную», дабы свет в окне не привлекал ненужного внимания в доме напротив. Одновременно я печатала логическую книгу Александра Александровича, с тем чтобы когда меня спрашивали (что случалось почти ежедневно): а что это я все время что-то печатаю?, — то я могла бы в любой момент указать на стопку уже напечатанной продукции по логике. Что и говорить, мало кто был способен на такое решение...

В начале 1975 года книга была закончена в том смысле, что, по нашим представлениям, было уже достаточно много подготовлено материалов для той самой КНИГИ. Все части рукописи были уже за рубежом и, как нам казалось, находились в недосыгаемости для КГБ. Черновики мы все уничтожили, что потом обошлось нам в несколько месяцев тяжелых переживаний, поскольку судьба рукописи, переправленной на Запад, нам была долго неизвестна.

Что же это была за книга, которую писал Зиновьев и которая получилась в результате на деле? С самого начала мы держали в голове мельчайшие детали замысла и его исполнение, мы хорошо знали характер книги и ее особенности, поэтому то, что получилось на деле, точно соответствовало тому самому начальному замыслу.

О «Зияющих высотах» после их публикации появилась огромная литература. Удивительно, однако, то, что самая главная их, именно литературная, особенность, как правило, выпадала из поля внимания. В качестве исключения можно сослаться на работы уже выше упомянутого английского ученого Майкла Кирквуда и отечественных авторов Карла Кантора, Леонида Грекова и Владимира Большакова. Карл Кантор возвращался к творчеству Александра Зиновьева неоднократно, всегда находя какие-то новые особенности, привлекавшие его новизной и яркостью, искренне отдавая должное огромному таланту и глубине мыслей писателя-современника, часто видя в работах Зиновьева именно то, мимо чего проходили критики-профессионалы. По скромным подсчетам К. Кантор написал где-то около дюжины блистательных со всех точек зрения статей, предисловий и послесловий к произведениям Александра Зиновьева.

Я хотела бы добавить несколько слов именно о литературной особенности творчества Зиновьева. Когда Александр начал писать «Зияющие высоты», к этому времени он имел за плечами более пятидесяти лет жизненного опыта, богатый опыт литературного фольклора и

научной работы, да еще плюс к тому разработанную теорию советского общества. Были, правда, некоторые колебания: писать ли научный трактат или литературное произведение. Но колебания отпали сами собой: начав писать практически, Александр стал писать и то и другое одновременно. Не параллельно роман и трактат, а в одном и том же тексте, вернее — один и тот же текст стал писаться и как научный трактат, и как художественное литературное произведение. Как в самом Зиновьеве совместились два творческих начала, казавшиеся (и считавшиеся) принципиально несовместимыми, так они и слились во единое в его произведении.

Александр сознательно писал роман, но роман особого рода — социологический. Надо сказать, что отношение социологического романа Зиновьева к социологии как науке похоже на отношение исторического романа к науке истории или психологического романа к науке психологии. Но в случае с «Высотами» дело не так обстояло, будто независимо и до него уже существовала социологическая наука о советском обществе, и от Зиновьева якобы требовалось лишь использовать ее результаты в романе. Не было вообще такой науки, но была марксистская теория, которую, как известно, Зиновьев отверг как ненаучную. Опять же были сочинения советских философов, социологов, историков, чью деятельность Александр Зиновьев трезво и беспощадно расценивал как идеологическую апологетику советского коммунизма. Кроме того, были сочинения западных теоретиков, которые он тоже отвергал как идеологически ложное изображение советской реальности. Я хочу особо обратить внимание читателя на тот факт, что научное понимание советского общества как общества коммунистического Александр Зиновьев начал разрабатывать **впервые в истории науки сам**. Перед ним встала проблема изложения результатов своих исследований в форме, доступной для других людей, и он в качестве таковой избрал особую литературную форму. Он изобрел ее, введя в литературу особый, абсолютно **новый, стиль языка и мышления**, которым он владел высокопрофессионально, — научный стиль образного мышления, или образный стиль научного мышления. И первым образцом этого творческого открытия явились «Зияющие высоты». Не ищите, многоуважаемые читатели, предтечу Зиновьева. Но он сам, в свою очередь, породил своим романом огромное количество последователей, заимствовавших, вернее, пытавшихся заимствовать этот стиль, наивно полагая, очевидно, что нет ничего легче подражания с претензией на оригинальность без ссылки на первоисточник. Можно украсть (именно украсть), переписать абзац, страницу, главу, но стиль мышления, атмосфера лаборатории мысли, которая породит потом целую серию литературных шедевров, кроме этого первоисточника, не поддается бессовестному воровству. Этот первоисточник не поддается подражанию по определению, по совокупности всех тех особенностей научной судьбы и причудливости жизненной линии, кои в своей сложнейшей и неповторимой совокупности и подарили миру феномен Александра Зиновьева. Так вот, повторяю, первой продукцией, первым образцом этого творческого открытия для подражания и заимствований без ссылок, как это будет потом сопровождать все его литературное творчество (что ранее было характерно для логических работ Александра), явились «Зияющие высоты».

Социологический роман Александра Зиновьева отличается от обычного романа (включая социальные романы, вышедшие из-под пера Достоевского, Толстого, Тургенева, Рабле, Свифта) как по содержанию, так и по изобразительным средствам. Литературными персонажами в нем становятся социальные объекты, определяемые социологическими понятиями, и объективные социальные законы. Люди в нем фигурируют лишь как представители различных социальных категорий, как носители социальных закономерностей и материал их функционирования. А с другой стороны, традиционно литературные средства (образы, метафоры, стихи, новеллы, анекдоты, фельетоны) становятся средствами выражения научных социологических понятий, утверждений, теорий и гипотез. Примеры тому читатель может в изобилии найти во всех уже опубликованных литературных сочинениях. Сам автор назвал такое использование разнообразных литературных средств **синтетическим литературным методом**.

Отмечу еще одну характерную черту литературного метода Зиновьева — спокойное, даже холодное (беспристрастное) изложение идей, как-то незаметно превращающееся в бичующую сатиру. Зиновьев-писатель не разоблачитель: то, о чем он писал, так или иначе было известно. Важно то, как именно он писал об известных явлениях жизни: он изображал их так, что они представляли перед читателем в совершенно новом, непривычном виде. Сатира Зиновьева обнажила особые свойства этого жанра, присущие только этой авторской сатире: она обнажала социальную сущность описываемых явлений, которая сама по себе была такой, что ее правдивый образ выглядел как разоблачение, как сатира, даже как карикатура. Сатира Зиновьева является компонентом особого, зиновьевского «поворота мозгов» (как он иногда выражается), позволяющего отбросить привычное, обыденное понимание и восприятие, отбросить шаблоны и предрассудки. Посмотреть на мир новым, незамутненным взглядом. Этой своей талантливой способностью такого зрения он напоминает мне всегда мальчика из сказки Андерсена «Новое платье короля», который увидел, что король был голым. Зиновьев видит насквозь, видит сущность, видит главное, и от этого его умения видеть так, как не могут видеть другие, становятся до разоблачительной прозрачности очевидными скрытые процессы, хитроумные уловки, коварные затеи. Для многих, так или иначе оказавшихся разоблаченными этой способностью Александра видеть то, что тщательно скрывается от общества, от коллег, от самих себя, он, конечно, неприемлем, неприятен — как честный врач, беспощадно ставящий диагноз.

Когда Александр Зиновьев начал писать «Зияющие высоты», в мире уже были широко известны книги Солженицына и десятков других советских и западных авторов, разоблачавших ужасы сталинского периода. Такого рода разоблачениями были переполнены средства массовой информации на Западе, западная пропаганда на Советский Союз, «тамиздат» и «самиздат». Писать очередную разоблачительную книгу в духе сочинений этого потока было бессмысленно, тем более что Зиновьев никогда не ходил дорогами, уже протоптанными другими, — наоборот, это он всегда выбирал свой путь, по которому потом за ним пытались идти другие. К тому же что касается разоблачения того периода жизни СССР, который обычно связывался с именем вождя всех народов, да к тому же в условиях, когда Сталин был уже мертв, когда уже было позволено и даже в некоторой степени поощрялось критическое отношение к сталинизму, — все это было не в стиле и не в характере Зиновьева. Он был активным антисталинистом, когда это было смертельно опасно, теперь же объектом его критики могли стать не крайности коммунизма, а нормальное, здоровое, развитое коммунистическое общество, каким советское общество стало в брежневские годы, т. е. фундаментальные закономерности реального коммунизма. Наиболее подходящей литературной формой тут мог стать именно социологический роман, который, как потом оказалось, и был наиболее опасной для автора формой. Я имею в виду последствия этого выбора для всех нас.

1975-й и начало 1976 года были для нас на удивление относительно спокойными. Рукопись «Высот» блуждала где-то на Западе. Как нам сообщили друзья, занимавшиеся книгой, все русскоязычные издательства отказались ее печатать. Те куски рукописей, которые успели оказаться в КГБ, были отданы на отзыв рецензентам этого ведомства, которые, как мы узнали позднее, сообщили, что эти сочинения Зиновьева не имеют никакой научной и литературной ценности, что не помешало, впрочем, некоторым из «экспертов» позаимствовать из этих отрывков немало для своих сочинений. Как ни парадоксально, но такие отзывы сыграли для нас и положительную роль: власти боялись не того, что сочинения Зиновьева будут опубликованы на Западе, а того, что — чур меня! — они будут иметь успех. Поэтому отказ русскоязычных издательств печатать «Высоты» был особенно успокоителен для КГБ. И, что уж совсем удивительно, профессор Зиновьев получил разрешение на поездку в ГДР, где были опубликованы его логические книги. В Советском Союзе его наградили даже медалью в связи с юбилеем Академии Наук СССР.

Но 1975-й год приносил сюрпризы и другого рода: стало известно о пропаже двух частей «Зияющих высот». Восстанавливая их, Александр написал книгу «Светлое будущее», сыгравшую впоследствии столь драматическую роль в переломе нашей судьбы, и сделал черновой набросок для книги «Записки ночного сторожа». Опубликованы они были уже после выхода «Высот» (соответственно в 1978 и 1979 гг.). Книга была переведена на многие языки мира, стала бестселлером, имела огромную прессу, была удостоена ряда литературных премий, включая очень престижную премию «Медичи» во Франции.

Как я уже говорила, наступила «спокойная» пауза. Судьба книги была неопределенна. Александр говорил тогда, что если книга будет напечатана и ее прочтет хотя бы десять человек, он будет удовлетворен. Я знала с первой строчки, что книга будет иметь огромный успех, мне был очевиден ее невероятный, ошеломительный содержательный и языковой размах. Какими колоссальными литературными потенциями обладал Зиновьев, я чувствовала это, потому и поддерживала его всячески в развитии его необыкновенного таланта, хотя сам он еще не ощущал по-настоящему, что в его жизни уже произошел перелом. Вообще-то Александру Александровичу скорее свойственно недоверие к своей звезде, его бывает трудно убедить в очевидности успеха какого-либо мероприятия, связанного либо с его произведениями, либо с грядущими позитивными изменениями в его судьбе. Может, он и прав, может, тут срабатывает древняя крестьянская хитрость, не взглянуть бы, а может (и наверняка это так) это просто-напросто опыт прожитой жизни, которая была щедра скорее на сюрпризы негативного характера. А пока продолжалась эта «спокойная» пауза, он продолжал заниматься логикой, готовя к изданию на английском и немецком языках книгу «Логическая физика»...

Но вот весной 1976 года нам сообщили, что нашелся издатель, готовый издать «Зияющие высоты». От Александра требовалось дать согласие на это. Мы не спали всю ночь, обсуждая решающую для всей нашей дальнейшей жизни проблему, отдавая себе отчет в том, какими будут последствия этого решения для нас. Уже серел рассвет, когда он после всех «за» и «против» изложил мне свою версию нашей будущей судьбы, если мы принимаем решение — печатать: мы теряем все, чего достигли; его увольняют с работы; заключение или лагеря на 10 — 12 лет; меня с Полиной высылают из Москвы; не исключено, что нас обоих лишают родительских прав... И потом он сказал, что право решения в силу соучастия в этом эпохальном сюжете нашей жизни принадлежит мне, и ответственность за семью лежит на мне. Мне решать: печатать «Высоты» или нет. Я задала ему вопрос: «Сможешь ты спокойно после всего этого жить, зная, что «Зияющие высоты» написаны и могут быть напечатаны, но останутся неопубликованной рукописью в твоём письменном столе?» Он ответил: «Нет, не смогу». Не было надобности драматизировать то, что мы и без того прекрасно понимали. Я подвела итог нашему обсуждению: даем согласие на публикацию книги.

Наконец, 26 августа 1976 года западные радиостанции объявили о выходе в свет в Швейцарии в издательстве «L'Age d'Homme» книги русского писателя Александра Зиновьева «Зияющие высоты». По радио о ней рассказал писатель Владимир Максимов, живший в Париже. «Запомните это имя», — сказал он, назвав имя моего мужа.

Так на свет появился писатель Александр Зиновьев. Имя издателя, которому он обязан своим возникновением в литературе, — Владимир Димитриевич. На плакате, выпущенном по поводу выхода «Зияющих высот» в свет, стояли слова: «ПЕРВЫЙ ПИСАТЕЛЬ XXI ВЕКА».

Александр Зиновьев пробился в логику благодаря помощи и поддержке поляков, американцев и немцев, а в литературе — благодаря французам, швейцарцам, итальянцам и представителям других народов. Россия задушила его как логика, а как писателя и социолога вообще не допустила к жизни. Литературной родиной писателя Зиновьева стали Швейцария и Франция, главную роль в появлении его как писателя сыграл Владимир Димитриевич, которому мы обязаны гораздо большим, чем книгоиздание. Владимир пошел на риск издания «Высот», хотя

хорошо знал, что не нашлось ни одного европейского или американского издательства, согласившегося печатать этот роман. Владимир поверил в своего автора, поверил на всю жизнь, сумев издать такое множество книг Александра, что вообще редко случается с социальными писателями. Владимир Димитриевич (Димитри, как все его называют во Франции и Швейцарии) родом из Югославии, он серб. Его отец сидел в тюрьме вместе с М. Джиласом в годы правления Тито. В 19 лет Владимир бежал из Югославии в Италию и затем — в Швейцарию, где он живет и работает по сей день. Человек большого природного ума, он самостоятельно приобрел превосходное гуманитарное образование и стал тончайшим знатоком литературы. Он является одним из самых литературно образованных людей нашего времени, каких я встречала в жизни. Энтузиаст-библиофил, человек безупречного эстетического вкуса, начитанный, кажется, знает все о всех достойных книгах, которые когда-либо появлялись в печати. Реакция его на первые же страницы рукописи, как только она оказалась в его руках (это произошло в Париже), чтобы оценить и понять, что же это за книга, была мгновенной: он позвонил в Лозанну, где находилось его издательство, и, ликуя, прокричал, что он, наконец, получил «Ее». Говоря «ее», он имел в виду именно такую книгу, «его книгу», которую в течение многих лет он мечтал издать, и в издательстве знали это.

Об эффекте разорвавшейся бомбы я уже говорила вначале, сравнивая реакцию на выход «Высот» именно с бомбой. Детонация от взрыва, если продолжить сравнение, — сотни статей и речей, конференций, группы поклонников, семинары, молниеносные переводы на множество языков планеты. Русскоязычная же пресса встретила появление Зиновьева как писателя враждебно или, в лучшем случае, сдержанно. Он и в этой среде оказался явлением чужеродным. Как писали в некоторых газетах, Зиновьев-писатель «проскочил» по ошибке, по недосмотру. Кого? На сей раз имелись в виду «генералы» диссидентства и советологов. Но «проскочив», Александр Зиновьев занял прочное и почетное место в западном просвещенном мире, а также в определенных кругах людей в Советском Союзе и в советской эмиграции прежде всего как писатель, как феномен литературы. Лишь позднее, оказавшись на Западе, он во всю свою гигантскую силу заявил о себе как блистательный публицист и выдающийся социолог. Как писателя его ставили в почетный ряд с Рабле, Свифтом, Франсом, Салтыковым-Щедриным и другими великими писателями прошлого. К этим оценкам прибавилась еще и другая, но уже как социолога, когда его стали называть «Моцартом социологии».

Ну а пока мы были еще дома, на Родине, где реакция на «Зияющие высоты» была прямо противоположной той, какую они имели на Западе. На автора беспрецедентно известной книги, бестселлера, обрушились соответственно зарубежной славе беспрецедентные по драматичности и по нелепой убогости репрессии. Беспрецедентность их заключалась в том, что инициатива по ним исходила из той среды, о которой я упоминала выше, из среды, которой не угрожали никакие наказания сверху, т. е. не со стороны властей, которые по-своему даже сдерживали эту разбушевавшуюся массу, требовавшую самых суровых мер в отношении отщепенца Зиновьева. Драматичным было изгнание его из Института философии АН СССР, из университета, лишение всех научных званий и правительственных наград, в том числе — и военных. Нелепым и убогим я назову разжалование в рядовые (это капитана авиации, летчика штурмовой авиации, участника Великой отечественной войны), повышение квартплаты, т. к. лишению званий доктора и профессора Зиновьеву не было положено бесплатное пользование кабинетом размером в 8 кв. м, изгнание нас как врагов народа из поликлиники Академии наук и тому подобные жалкие по безнадежности и мелкости, но ощутимые укусы...

Мало было уволить с работы, лишить всех степеней и званий. Старательные исполнители, сжигаемые праведным огнем возмущения на бывшего коллегу, бывшего друга или бывшего учителя Зиновьева, бескомпромиссно и дерзновенно осуществлявшего на экстремально высоком уровне свой категорический императив «быть во что бы то ни стало!», решили пойти

дальше: объявить его исследования не имеющими никакой ценности, а имя — буквально вычеркнуть из советской науки, ну а пожелания из области «поставить к стенке» себя тоже не заставили ждать.

Как мы и предполагали, над ним нависла угроза ареста, а мне недвусмысленно дали понять, что для меня найдется место на бескрайних просторах Сибири и Крайнего Севера, предварительно лишив меня единственной дочери. Мы оказались под таким надзором КГБ, что это фактически выглядело как домашний арест: тут были использованы все средства из необъятного арсенала преследований и репрессий, правда, должна сказать, что в нашем случае отдавали предпочтение методам психологического воздействия, которые не оставляли следов на теле...

Все эти меры явились следствием вовсе не того факта, что Зиновьев посмел опубликовать книгу на Западе, — его книги и до 1978 года печатались на Западе без разрешения властей, а книги других авторов десятками печатались за рубежом. По-моему, причиной такой зверской и единодушной реакции на появление «Зияющих высот» явился их необычайный успех на Западе, причем — успех не как привычного разоблачения всем и без того известных дефектов советской системы, но как описания социальных законов этой системы, сделанного в потрясающей литературной форме. Будь книга бездарной и не имей она такого успеха, никто не тронул бы Зиновьева даже пальцем, а среда, которая исторгла его из себя и обрушила на него свой гнев, в случае банального варианта была бы удовлетворена и успокоена ничтожностью сделанного им. Допускаю, что его провозгласили бы борцом против «режима», как, впрочем, уже было сделано неоднократно с множеством других разоблачителей.

Самое страшное преступление Александра Зиновьева состояло в том, что он обнаружил себя в литературе как величина огромного масштаба. То, чего он добился в логике, войдя в тройку ведущих логиков мира, огромно и революционно, но не так-то просто ухватить и переварить широкому кругу читателей: все же это очень специальная сфера науки. А в литературе, с ее средствами, возможностями, с резонансом на нее в журналистике, на радио и в телевидении и широта охвата читателя, да размеры тиражей его книг, — все это вместе превратило его в фигуру устрашающе огромную, подавляющего размера. Французская журналистка-литературовед Николь Санд одну из ее первых статей в «Le Monde» о творчестве писателя Александра Зиновьева назвала так: «Гулливер в стране лилипутов», и тем самым ответила на вопрос «кто есть кто».

В условиях надзора и в ожидании ареста Александр решил написать новую книгу, на сей раз — «настоящую». При этом он имел в виду работу в два этапа: сначала накопить большую совокупность хаотически написанных текстов, а затем обработать их в единую книгу по канонам литературы. В соответствии с этим решением он жил и работал с сентября 1976 года по сентябрь 1977 года. Много писал, мы это собирали и пересылали через разнообразнейшие каналы издателя. Удивительно, но основная часть материалов все же достигла нашего издателя, хотя, конечно, без потерь обойтись не могло. Пути этих посылок подчас напоминали запутаннейший лабиринт, страницы новой книги могли бы много рассказать о географии Европы и Нового Света. Мы тогда не раз вспоминали судьбу рукописи Шостаковича на ее пути из блокадного Ленинграда в Москву. Усиливалось ощущение надвигающегося ареста. Жестоко расправлялись с людьми, распространявшими «Зияющие высоты». Понимая все это, Владимир Димитриевич решил на всякий случай подготовить те материалы, что он получил из Москвы, к публикации — как своего рода литературный архив. Александр Александрович предложил название «В преддверии рая» и принципы упорядочивания заметок. Надо сказать, что большую часть материалов, дошедших до издателя, переправил на Запад Эрхард Хуттер, австрийский журналист, ставший крестным отцом нашей Полины. Хотя он был официально аккредитован в СССР, это не помешало КГБ, обнаружив роль Эрхарда в переправке материалов на Запад, выслать его из страны. «Многострадальный Хуттер» — так нарекли его в центральной

печати, придумав для оправдания высылки какие-то небылицы об иконах, о картинах и т. д., якобы контрабандой вывозившихся Эрхардом на Запад.

Ожидавшийся в сентябре 1977 года арест откладывался, несколько раз увозили в Лефортово, откуда можно было и не вернуться. На фоне явно затягивавшегося ожидания, изматывавшего нас до изнеможения, и вопреки полной неопределенности в отношении нашего будущего, Александр, человек железной воли и неукоснительной дисциплины, начал писать новую книгу, но, учитывая опыт с вышеупомянутыми заметками, писать начал небело, сразу. Писал в условиях еще худших, чем когда создавались «Высоты». Тем не менее, к лету 1978 года он написал основную часть книги под интригующим названием «Желтый дом», но до конца дописать не смог: в конце июля 1978 года нам предложили в срочном порядке выехать в Германию. Если бы мы отказались принять этот вариант, то нам бы угрожал тюремно-ссылный *modus*, о чем без церемоний и информировали представители власти, вручившие нам заграничные паспорта. Мы были вынуждены выбрать эмиграцию. Пересылкой рукописи «Желтого дома» занимался наш близкий друг Пьеро Остеллино, впоследствии занявший пост главного редактора «*Corigia della sera*». Его активность в отношении нас от КГБ скрыть тоже не удалось, но ему, в отличие от Эрхарда Хуттера, «повезло»: кончался срок его работы в СССР, поэтому власти, уставшие гоняться за западными журналистами, устраивать дополнительный обременительный скандал не стали.

Надо вообще заметить, что в отношении Александра всегда и во всем преобладал метод умолчания, чему есть объяснение: Зиновьев всегда был одиночкой и предпочитал идти своими неизведанными путями. Принципом его жизненной философии было утверждение: «Я есть суверенное государство из одного человека». Его врожденный аристократизм не позволял ему опускаться до публичных скандалов, он стеснялся известности, оставаясь сыном русского народа. Но все же главное тут не в этом, а в том, что именно он создавал. Так уж получалось, что о характере и масштабах его деятельности и знали и догадывались, поэтому принимали меры к тому, чтобы помешать Зиновьеву проявиться в полную, данную ему силу, уменьшить сделанное им, оправдываясь при этом интересами дела, спецификой времени, засильем и давлением властей там, наверху. Он сам ощущал это постоянно. Не случайно в своих сочинениях он неоднократно возвращался и подробнейшим образом анализировал этот социальный феномен.

И вот 6 августа 1978 года мы покинули Родину, за нами накрепко захлопнули ворота крепости — страны победившего социализма. Полистайте иностранные газеты и журналы того времени, и вы найдете там бездну информации о выпроваживании нас на Запад. На фотографиях можно видеть всех нас троих с двумя чемоданами, вмещавшими Полинкины рисунки и ее книги, да охапки цветов, — это все, что нам позволили увезти с собой. Все документы и, главное, рисунки Александра, несмотря на его сопротивление, мне все же удалось в свое время сохранить и переправить неофициальными путями. Александру Александровичу было почти 56 лет, мне — 33 года, а Полинке — около 7 лет. Впереди нас ожидала эмиграция длиной в 21 год.

Так началась наша эмигрантская жизнь. В начале сентября 1978 года в «Ведомостях Верховного Совета СССР» № 37 было опубликовано Постановление Президиума Верховного Совета СССР, подписанное Брежневым, «О лишении гражданства СССР Зиновьева Александра Александровича... за действия, порочащие звание гражданина СССР». Тогда стала понятна торопливость и лихорадочная суета в связи с нашим внезапным и навязанным властями выездом на Запад: так как к 6 августа 1978 года уже было принято и подписано это Постановление, согласно которому человек, лишенный гражданства СССР, должен быть выдворен за пределы Советского Союза, то оставаясь мы дольше на территории гостеприимной Родины, власти должны были бы применить к нам экстраординарные меры, превращавшие мужа в

великомученика при жизни со всеми вытекающими последствиями в смысле резонанса на Западе, что в тот момент было в высшей степени нежелательно для властей.

В течение первых двух лет Александр работал профессором логики в Мюнхенском и Оксфордском университетах, но обстоятельства нашей жизни сложились так, что основными сферами его деятельности стали литература, публицистика и социология. Сферы эти были тесно связаны, поскольку публицистика Зиновьева имела социологическое содержание, зачастую принимала форму литературных очерков и всегда была насыщена литературными фрагментами, а литературные произведения в значительной мере являлись переработкой публицистических и включали их в себя. С этой точки зрения, литературное творчество Александра Зиновьева выглядит как своего рода летопись событий нашего времени. Как «Евгений Онегин» называли «энциклопедией русской жизни», так, я считаю, «Зияющие высоты» и последовавшая за ними череда других произведений Зиновьева, — это энциклопедия советской жизни.

За время жизни в эмиграции Александр Зиновьев опубликовал более 30 книг, многие из них были бестселлерами и сразу переводились на иностранные языки планеты — от английского до японского. Число переводов точно установить нелегко, так как многие из них делались пиратским образом, и мы узнавали о них случайно, как правило, при подписании книг. Александр всегда с легкомыслием, если не с каким-то гусарским пренебрежением, относился к созданию архива, что часто служило причиной наших с ним бурных дискуссий. Мне стоило огромного труда, я имею в виду прежде всего сопротивление самого писателя, собирать его публикации и публикации о нем. Нас, конечно, по почте заваливали этой продукцией издательства, газеты и журналы, где публиковались сотни статей Зиновьева, его очерки и рассказы, где печатали обширнейшие материалы о нем, о его творчестве, многочисленные интервью с ним. Но все то, что мне все же удалось сохранить и собрать под нашу крышу, составляет никак не больше половины громады публикаций, связанных с творчеством Александра Зиновьева. И все, что я с такими ухищрениями сохранила, мы передали в «Бременский архив», который гарантирует полную сохранность, бережное и грамотное отношение не только к опубликованному, но и манускриптам автора, аудио-, видео- и фотоархивам. Инициатором и энтузиастом передачи нашего архива на вечное хранение в Бремен был Габриель Суперфин, человек феноменальной памяти, настоящий фанат, гроссмейстер архивоведения, бескорыстнейший и скромнейший служитель памяти нашего поколения. Но не только это выделяет его из среды его коллег по профессии: он сам по себе, с его необыкновенной судьбой диссидента, отсидевшего свой срок, но оставшегося честным, порядочным человеком, является знаменем нашего времени, времени сомнений и сопротивления, времени шестидесятников.

* * *

А теперь я приведу список литературных произведений Александра Зиновьева:

1. Зияющие высоты. 1976.
2. Светлое будущее. 1978.
3. В преддверии мая. 1979.
4. Записки ночного сторожа. 1979.
5. Желтый дом. 1980.
6. Мой дом — моя чужбина. 1982.
7. Гомо советикус. 1982.
8. Нашей юности полет. 1983.
9. Евангелие для Ивана. 1984.
10. Иди на Голгофу. 1985.
11. Государственный жених. 1986.

12. Рука Кремля. 1986.
13. Пара беллум. 1986.
14. Изюмовая бомба. 1987.
15. Живи. 1989.
16. Мой Чехов. 1989.
17. Исповедь отщепенца. 1990.
18. Катастройка. 1990.
19. Веселие Руси. 1991.
20. Смута. 1992.
21. Русский эксперимент. 1995.
22. Глобальный человек. 1997.
23. Новая утопия. 2000.
24. Затея. 2000.

Лишь последние две книги опубликованы после возвращения в Россию из эмиграции. Книги «В преддверии рая», «Записки ночного сторожа», «Изюмовая бомба», «Катастройка», «Мой Чехов» и «Затея» не вошли в собрание сочинений. Большинство книг были опубликованы в издательстве «L'Age d'Homme» Владимиром Димитриевичем одновременно на французском и русском языках. Книги «Исповедь отщепенца» и «Смута» были опубликованы в издательстве «Plon» в Париже, книги «Мой Чехов» и «Веселие Руси» — в издательстве «Complex» в Брюсселе, книги «Государственный жених», «Рука Кремля» и «Изюмовая бомба» — в издательстве «Diogenes» в Цюрихе, книга «Русский эксперимент» — в издательстве «L'Age d'Homme — Наш дом» в Москве, книги «Глобальный человек», «Новая утопия» и «Затея» — в издательстве «Центрполиграф».

Интерес к литературному творчеству Александра Зиновьева на Западе был огромен. О нем печатались бесчисленные статьи, книги, рефераты, защищались диссертации. Нередко по числу откликов на свои книги он побивал все рекорды. Так, если оставить в стороне невероятный успех «Зияющих высот», на другую его книгу «Глобальный человек» в одной только Италии в течение недели после ее выхода в свет появилось более 50 рецензий. В числе авторов, регулярно писавших о нем, назову лишь некоторые имена:

A.Burgess, B.Pivot, V.Tarsis, S.Veil, H.Bienek, G.Laub, O.Filip, Ch.Janson, J.Elster, R.Hingley, C.James, W.Kasack, E.Hutter, J.Amalric, N.Sand, E.Silijanoff, J.-L.Kuffer, M.Gallo, A.Nekrich, G.Nivat, J.Altwegg, H.Ssachno, J.Scherer, F.P.Ingold, M.Heller, L.Schapiro, A.Kaempfe, M.Rosten, J.-P.-Morel, J.Leonard, J.Serke, H.Schmidt-Hauuer, A.Peyrefitte, A.Besancon, P.Hanson, F.Body, M.Kirkwood, C.Schwab, G.Urban, V.Strada, E.Herresch, B.Holmqvist, P.Genis, A.Veil, S.Hook, G.Andreev, F.Fassio и многие-многие другие.

Было много выступлений по телевидению и радио во многих странах мира. О Зиновьеве снимались телевизионные фильмы, устраивались литературные фестивали, его регулярно приглашали на различные конференции и индивидуальные выступления, куда собирались многие сотни, а порою — тысячи человек. Регулярно приглашался он почетным гостем в важные учреждения и организации европейского и мирового масштаба. Александр удостоился престижных литературных премий, в том числе «За лучший европейский роман» в 1978 году, «За лучший научно-фантастический роман» в 1980 году, «Prix Medicis» в 1979 году, «Tevere» в 1992 году и многие другие.

Александр Зиновьев избран в Баварскую академию искусств и Римскую академию, награжден медалями и званием почетного гражданина папских городов Равенна, Оранж и Авиньон. Все годы эмиграции писатель и ученый Зиновьев функционировал в высокой, я бы сказала, посольской, роли, на которую навряд ли его допустили бы, окажись он на бескрайних

просторах Крайнего Севера или за бетонными стенами какого-нибудь сибирского каземата, если бы мы приняли альтернативное решение остаться на гостеприимной Родине. Это посольство позволяло ему ощущать то, что его деятельность нужна людям. К слову сказать, его трудолюбие и работоспособность поражали даже выдавших виды людей, которые не могли поверить, что один человек способен на такой трудовой и творческий подвиг. Выславшие его на Запад люди не ожидали того, что «Зияющие высоты» окажутся началом его нового пути, началом его успеха в литературе. А успех был огромный, и Александр сразу почувствовал стремление Москвы помешать распространению его идей и на Западе. Тут пошло в дело все, что могло принести желанный для Москвы результат: замаскированные и открытые, прямые и косвенные угрозы, распускание клеветнических слухов, вмешательство в его деловые отношения с западными людьми и учреждениями. Некоторые издательства, подписав контракты на сотрудничество с писателем Зиновьевым, потом отказывались издавать его книги, поскольку им давали понять, что это послужит препятствием к их профессиональным книжным контактам и связям в Советском Союзе. Целый ряд его публичных лекций и статей были сорваны вследствие определенных акций с советской стороны, но не останавливались и на этом. Имели место два покушения на его жизнь с использованием бактериологического (как это потом показали экспресс-анализы Университетской клиники и Института Пастера) оружия, произошло это в 1979 и в 1980 годах. Тренированный и закаленный жизнью организм его оказался способным перенести эти отравления, которые для неподготовленных людей могли окончиться летально. Дважды пытались его похитить — в Осло в 1979 году и в Стокгольме в 1981 году. По ряду причин (в частности, из-за нежелания местных властей идти на открытую конфронтацию с советской стороной) он не предавал эти факты гласности, да и у него не было желания привлекать к себе внимание общественности подобным образом: он всегда избегал использовать факты своей жизни как средство паблисити.

Русскоязычная эмиграция встретила появление книг Александра Зиновьева далеко не единодушно. Закулисное (или «домашнее») общественное мнение было в основном очень положительным. У него появилось множество восторженных поклонников, многие из них прочитали его первые книги еще в Советском Союзе. Высший же, официальный, слой советской эмиграции встретил публикацию книг Зиновьева и появление его самого на Западе весьма сдержанно и отчасти даже враждебно. Уже первая рецензия на «Зияющие высоты» в русском зарубежье, появившаяся в газете «Новое русское слово» в Нью-Йорке, была путаной, невнятной и крайне нелепой. Одно в ней было выражено ясно: беспредельное откровенно враждебное отношение к книге.

Потом было несколько положительных рецензий, но вскоре стал намечаться перелом: рецензии становились все более редкими гостями на страницах русской зарубежной прессы, объем их стал сокращаться, оценки приобретали вначале уклончивый, нейтрально-критический, а затем — угрожающе-погромный характер. Начался период замалчивания в русскоязычной прессе всего того, что Зиновьев уже сделал, а также всего того, что вообще касалось личности Александра Зиновьева. Его имя даже перестали упоминать среди имен эмигрантских писателей, зато активно стали распространяться всевозможные дичайшие вымыслы и клеветнические инсинуации типа, что Зиновьев — русофоб, что Зиновьев — антисемит, что Зиновьев — агент КГБ, что вовсе и не Зиновьев писал его книги, а кто-то другой... Практически все годы эмиграции Александр жил в обстановке бойкота и клеветы. Трудно, если задуматься и попытаться вспомнить, назвать хотя бы одно русскоязычное издание на Западе, которое не бросило бы злобствующий бульжник в его огород.

Приведу для иллюстрации хотя бы пару примеров, чтобы не показаться голословной: в 1986 году в Авиньоне и Оранже был проведен литературный фестиваль, посвященный творчеству Александра Зиновьева. Многочисленные организации, известные и официальные лица

прислали поздравления, в том числе — президент Франции Миттеран, вице-канцлер Австрии Алоис Мокк, Ив Монтан, Симон Вайль и многие другие. В русскоязычной прессе — ни слова, хотя я своевременно известила их о готовящемся событии, разослала вовремя пресс-релиз и всю информацию, относящуюся к уникальному фестивалю. Как можно догадаться, слава Зиновьева от этого не убавилось, а проверку на порядочность и объективность, с чьих позиций якобы выступают очень многие русские зарубежные издания, они, естественно, не выдержали. Произойди нечто подобное с кем-то другим, в провинциальной русской прессе поднялся бы целый ураган похвал и восторгов. Я пишу об этом без горечи, но и не без сожаления по поводу утраченных для русского зарубежья возможностей подняться над своими зашоренными и ограниченными представлениями о мире, который оказался за пределами их геттового сознания.

А вот и другой, но уже просто анекдотический пример: Александр Александрович подписывал книги на одной из таких «подписных» распродаж книг в Пен-клубе в Париже. С утра и до самого закрытия к нему стояла длинная очередь, больше, чем ко всем другим участникам распродажи. Зинаида Шаховская сидела рядом и собирала деньги от проданных зиновьевских книг. На другой день в «Русской мысли» появляется ее фотография, а внизу — подпись: Зинаида Шаховская подписывает (!) книги в Пен-клубе. Вот была бы радость для старика Фрейда, если бы обратились к нему с просьбой проанализировать и диагностировать пациента.

Бесчисленны были факты клеветы, замалчивания и несправедливостей по отношению к Александру Александровичу. Не устояли при этом даже корифеи диссидентства и нелегальной литературы, и они внесли свою посильную лепту в кампанию инсинуаций и клеветы на беззащитный и ярчайший талант русской словесности, на непонятого, но оболганного гения Александра Зиновьева.

Какковы все же причины такого отношения к Зиновьеву в эмиграции? Их много, они разноплановы, но в чем-то тоскливо похожи на те причины, которые привели Александра Зиновьева к изоляции в Советском Союзе. Как говорится, у попа была собака... Советская эмиграция, будучи массовым явлением и подчас даже и не осознавая того, была сама подвержена тем же социальным законам, какие он описывал в своих книгах. Часть причин определяется его особенным и обособленным положением на Западе. Он появился на литературной и общественной арене тогда, когда в нелегальной литературе, в оппозиционном движении все роли были уже распределены, субординация всех титулов и градаций талантов и гениев соблюдалась неукоснительно, являясь сама по себе уже в какой-то мере священной и априорной институцией, когда, короче говоря, уже все было сказано. А Зиновьев опять нарушил сложившееся распределение ролей и все-таки сказал своими книгами такое весомое и новое слово и сказал так, что несмотря на всевозможное противодействие, его книги произвели на Западе убийственно-сильное впечатление. Он сразу из небытия, минуя регулируемые «самиздат» и «тамиздат», находившиеся в основном в руках эмигрантов, мощно, суверенно, шагнул в мировую литературу, а не в локально-эмигрантскую. Как я уже говорила выше, он появился неожиданно, вопреки всем канонам литературы, независимо от диссидентства и наперекор эмиграции, не задумываясь ни на секунду, каким торнадо он разметал их теплившиеся мечты и надежды на литературный Олимп. Ярчайшим своим появлением он сразу же занял и на Западе положение исключительного одиночки, абсолютно независимого в своих суждениях ни от кого и ни от чего, не поддающегося давлению общественного мнения, не претендующего ни на какие лавры и на богатства, независимого в своем литературном творчестве ни от каких подачек, фондов, стипендий. Если ему присуждались премии, он принимал их как человек, их заслуживший, но при этом не прилагал ни малейшего усилия, чтобы их получить. Полная суверенность и независимость. Чистая совесть и безукоризненное рыцарское служение ИСТИНЕ. Он высказывал свои суждения, не приспособляясь ко вкусам и взглядам слушателей и читате-

лей, нисколько не стремясь к эпатажу. И суждения его пришли в резкий конфликт с общепринятыми. Плюс ко всему вызывало понятное раздражение внимание к личности Александра Зиновьева со стороны западных читателей и средств массовой информации Запада, а также необычайно высокая оценка его книг. Когда Иожен Ионеску в интервью в Италии заявил, что считает Зиновьева самым значительным современным русским писателем, а в телевизионных беседах с Зиновьевым и в многочисленных статьях о нем его стали зачислять в число крупнейших писателей нашего времени вообще, терпение наших бывших соотечественников лопнуло и изрыгнуло неслыханный поток клеветнических нечистот.

Западная демократия оказалась бессильной перед советской клеветой и травлей, которую наши соотечественники принесли с собой в эмиграцию, ностальгируя по коллективным мероприятиям, по русской земле, оставшейся за холмом, будучи не в силах изменить ни строй своих мыслей, ни цвет кожи, ни укоренившийся генотип гомо советикуса.

* * *

Итак, литературную деятельность Александра Зиновьева в эмиграции можно в общем разделить на два периода. Между ними нет четкой границы. Тем не менее, различие их заметно достаточно ясно.

В первый период объектом его внимания является советское общество в годы становления и в том виде, в каком оно сложилось в брежневские годы, т. е. по определению Александра, в период зрелости коммунизма. В этот период он дописал «Желтый дом» и написал произведения 6 — 15 и 17 из приведенного выше списка.

Во второй период объектом внимания Зиновьева становится кризис и крах советского общества в горбачевско-ельцинские годы. В этот период он написал произведения 16 и 18 — 24 из упоминавшегося выше перечня его литературных публикаций.

Когда мы оказались на Западе, книга «В преддверии рая» уже была подготовлена к печати. Хотя это было не законченное литературное произведение, а всего лишь черновые заметки для возможного социологического романа, остановить публикацию книги было уже невозможно. И она вышла в свет в начале 1979 года. Намерению Александра переработать ее не суждено было осуществиться: не было времени. Кроме того, материалы ее использовались в книгах, которые он стал писать уже на Западе. И лишь в 2000 году издательство «Центрполиграф» опубликовало книгу Александра Зиновьева «Затяя», в которую вошла часть заметок из книги «В преддверии рая» и сокращенная реконструкция потерянной части «Зияющих высот», изданная точно так же в 1979 году под названием «Записки ночного сторожа».

В 1978 и 1979 годы он дописывал «Желтый дом», делая это урывками, поскольку одновременно работал в Мюнхенском и Оксфордском университетах, сочетая это с многочисленными публичными выступлениями по всей планете. «Желтый дом» являет собою социологический анализ советского общества, но еще более утонченный, нежели в «Зияющих высотах». Тут, как в неисчерпаемых месторождениях драгоценных металлов, обнаруживается множество разделов, которые можно естественным образом и почти без изменений включить в социологический трактат. Это, например, разделы об идеологии, о взаимоотношениях индивида и коллектива, о партии, о народе, об интеллигенции, о религии, о революции, о колхозах, о социальных законах и т. д. Но тот факт, что они все же суть части романа, так или иначе придает им литературные черты. В «Желтом доме», как и в «Зияющих высотах», затронуты все важнейшие проблемы советского общества и положения в нем отдельного человека, но как затронуты! — совсем иначе, чем в «Зияющих высотах», в иной литературной форме, с тончайшей нюансировкой и с иными акцентами. Они изображены здесь в том виде, как они отражались в сознании интеллектуальной элиты общества и как потом становились предметом сублиматив-

ных размышлений и переживаний. Это не повторение «Зияющих высот», но дальнейшая конкретизация намеченных в них тем и идей: появилась возможность перехода от лихорадочно-засекреченной формы работы к более планомерной и свободной (хотя и не очень регулярной) и от набросков и социологических зарисовок — к объемным и рельефным панно, к симфонической панораме социологического ландшафта советского общества. Как мне кажется, вернее, по моему глубокому убеждению, «Желтый дом» — наиболее утонченное, рафинированное и литературное произведение Александра Зиновьева. И самая его любимая книга.

Он хотел повременить с публикацией ее, намереваясь поработать над нею как следует, с наслаждением, не торопясь, но (опять обстоятельства, отражаемые в противительном союзе «но») обнаружилось, что определенная часть рукописи попала-таки в КГБ, и, помимо использования ее писателями-рецензентами КГБ, ее собирались проэксплуатировать к тому же в еще одной преподлейшей акции против самого автора: человек КГБ, выехавший на Запад под видом диссидента, должен был опубликовать «Желтый дом» под своим именем. Тем самым создавался противовес успеху Зиновьева, с одной стороны, и появлялся повод для его дискредитации с другой. И так как попытки такого рода (я имею в виду дискредитацию) являлись общим местом в работе против отщепенцев и были надежным, апробированным средством в борьбе с бунтарем-одиночкой, использовавшимся против него и его работ не раз, то под давлением этих обстоятельств Александр дал согласие Владимиру Димитриевичу на немедленное издание «Желтого дома». В начале 1980 года книга вышла в свет.

Сам образ жизни на Западе невольно вынуждал писателя Зиновьева к тому, что, встречаясь с людьми самых различных социальных категорий в бесконечных поездках по странам Запада, разговаривая и полемизируя с ними, просматривая сотни и сотни газет, журналов, книг, следя за событиями и их отражением на телевидении и по радио, он начал присматриваться к новому окружению, новой среде обитания. Хотел он того или нет, но на него обрушился сильнейший поток информации о западном обществе. И противостоять его влиянию было невозможно, но — главное — оказавшись на Западе, он не был тем самым автоматически исключен из сферы влияния коммунистического общества. Последнее давало о себе знать и здесь с огромной силой, бдительно, упорно, последовательно, постоянно и повсюду. В то время была банальностью истина о том, что коммунизм стал международным явлением. Но будучи увлечен внутренними проблемами коммунистического общества, Зиновьев оставлял без внимания его внешний, международный аспект; однако, оказавшись на Западе, он ощутил его настолько остро, что оставаться равнодушным и безучастным к нему уже не мог: он должен был выступать с докладами и писать статьи на темы о советском присутствии на Западе. В результате появился целый цикл произведений, который условно можно назвать «шпионским». В него вошли «Гомо советикус», «Пара беллум», «Государственный жених», «Изиюмовая бомба» и «Рука Кремля». Причем самая важная и характерная среди них, конечно же, «Гомо советикус».

Книга «Гомо советикус» имела колоссальный успех. Ее сразу перевели на французский, английский, итальянский, немецкий и многие другие языки. Были многочисленные рецензии в мировой прессе, сопоставимые с реакцией на «Зияющие высоты» и «Светлое будущее». Как и все социологические романы Зиновьева, «Гомо советикус» нельзя свести к одной теме: он многоплановый, но главная, определяющая его тема — что из себя представляет советский человек как продукт реального коммунизма и что он несет миру. Здесь Зиновьев создает критический, но не карикатурно-отрицательный образ гомо советикуса (гомососа). И даже я бы сказала, с известной долей симпатии, что вообще характерно для зиновьевского стиля мышления: отрицать, утверждая, и утверждать, отрицая. Ведь и в самой реальности негативное неразрывно связано с позитивным, одно переходит в другое, одно порождает и одновременно убивает другое. Зиновьев-писатель проявляет себя в создании своих литературных персона-

жей как виртуозный и глубокий диалектик, используя весь тот профессиональный инструментарий, коим он владел в совершенстве еще до вступления на путь литературного творчества.

Если герой «Гомо советикуса» еще только готовится стать советским агентом на Западе, то в романах «Пара беллум» и «Государственный жених», а также в повести «Исюмовая бомба» герои Зиновьева действуют в качестве таких агентов. Шпионский сюжет и здесь есть лишь средство описать положение советского человека на Западе, его отношение к Западу, и через это — к своему советскому обществу. В «Пара беллуме» он описал также человека, который руководит советской деятельностью на Западе, но описал его как работника советского аппарата вообще, как «аппаратчика». Так что и в этом социологический аспект доминировал.

Роман «Пара беллум» был написан в короткий период пребывания у власти Ю. Андропова. В нем даны анализ и оценка андроповских реформ, явившихся предшественником и базисом для горбачевской перестройки. И в других романах Александра Зиновьева читатель может найти бесчисленные примеры того, как в них отражались текущие события жизни планеты. Однако это был не просто пересказ газетных и телевизионных сообщений, а литературная и социологическая обработка этих сообщений с целью высказать идеи иного рода.

Произведения «шпионского» цикла фактически стали произведениями на тему о советской эмиграции, вернее — о положении русского человека в условиях чужеродного ему Запада.

Одновременно с романом «Гомо советикус» он написал роман в стихах «Мой дом — моя чужбина», полностью посвященный теме эмиграции. Он собирался напечатать их в одной книге, но по совету издателя напечатал отдельно. Основную проблему эмиграции для русского человека так выразил один из литературных героев Александра Зиновьева: что лучше — русская тюрьма или заграничная свобода? Но этот персонаж не нашел решения проблемы и покончил с собой. Трагичной или по крайней мере несчастной оказалась судьба и прочих героев. Зиновьев намеренно наделял своих героев отрицательными ролями советских агентов, чтобы еще резче описать безысходность судьбы русского человека, по каким-то причинам выпадающего из обычного хода жизни в России и оказывающегося в эмиграции. Эмиграция на Запад вообще не есть идея национально русская.

В «шпионских» романах советское общество рассматривается в его взаимоотношениях с Западом. Рассматривается также западное понимание (вернее, не побоюсь сказать, непонимание) советского общества и западная политика в отношении него. Александр Зиновьев придавал этому описанию сатирическую форму не столько из-за его склонности к этому жанру, сколько из-за самой сути дела, описание которой даже у бесстрастного наблюдателя, не приобщенного к цеху литераторов, произвольно и неизбежно превращается в сатиру.

В пьесе «Рука Кремля» автор довел это описание до гротескно-карикатурного уровня, но, как показала дальнейшая эволюция советско-западных отношений, литературная карикатура Зиновьева оказалась в высшей степени реалистичной. Нет надобности говорить, что поставить такую пьесу, разумеется, никто не решился. На Западе тоже есть свои ограничения и запреты, сводящие априорные добродетели демократии к нулю или превращающие их в фикцию и абсурд.

Роман «Мой дом — моя чужбина», как я говорила выше, написан в стихотворной форме, как, впрочем, написано и «Евангелие для Ивана», литературный жанр которого определить невозможно. Стихами насыщены многие прозаические произведения Александра Зиновьева, на что мне хотелось бы обратить особое внимание.

Начав писать «Зияющие высоты», Александр решил использовать все литературные средства, которыми он владел, в том числе — поэзию. Поступал он таким образом и в других произведениях. Есть две особенности его поэзии, которые необходимо отметить особо (по крайней мере мне пока не попадался ни один более или менее подробный, профессиональный анализ этой стороны творчества Александра Зиновьева). Первая — он использовал поэзию в

смелой комбинации с прозой в таких масштабах, в каких, как мне кажется, не делал до него никто другой, причем, по его утверждению, он сознательно сочетал прозаическую поэзию с поэтической прозой. Ко второй особенности я отнесу его сознательный отказ от «технических» поэтических тонкостей и изощренностей, сделав главный упор на содержание, на содержательные образы, на интеллектуальные средства вообще. Отношение большинства писателей, в особенности, поэтов, к его поэтическим произведениям я назвала бы скорее угрюмо-сдержанным, но нашлись и поклонники. Так, Александр Галич, прочитав «Зияющие высоты», сказал, что он подписался бы под каждым стихотворением Александра Зиновьева, а Надежда Мандельштам, с которой нам посчастливилось познакомиться в Москве, сказала, прижимая к груди «Высоты», что это ее книга, что если бы стихи Зиновьева стали известны как произведения кого-то другого, то этот человек сразу приобрел бы репутацию выдающегося поэта. Необычайно высоко и эмоционально оценил стихи Зиновьева Карл Кантор, являющийся тонким знатоком поэзии, способный часами декламировать полюбившиеся ему произведения. Ну а главное, что нужно принимать во внимание при оценке поэзии Александра Зиновьева, это то, что она есть компонент литературной формы, которую, как я уже отмечала выше, сам писатель назвал синтетической.

Еще до написания «Зияющих высот» Александр написал стихотворение, посвященное Эрнсту Неизвестному, с которым его связывала многолетняя дружба. Стихотворение потом вошло в «Зияющие высоты» (см. т. 1, стр. 705) «Линии привычные чертя...». В нем Александр с огромной силой выразил свои умонастроения не только тех лет, но, пожалуй, всей своей жизни. Но самым сильным с этой точки зрения, по моему убеждению, является «Молитва верующего безбожника», написанная Зиновьевым тоже еще до «Зияющих высот».

Многое он писал в рассматриваемый период просто по заказу. Это — работы 11, 12, 14, 16, 17, 19 и 22 из приведенного выше списка, но и в них он не приспособивался к чужим вкусам и взглядам, о чем он всегда по-честному предупреждал заранее тех, кто ему заказывал эти произведения, да они и так хорошо знали, к кому обращались, ибо знали уровень мастерства и масштаб личности писателя Зиновьева. Но тем не менее эти работы все равно оставались для Зиновьева не главными в его творчестве.

Сразу после окончания «Желтого дома» Александр начал писать большую книгу «Искушение», которая должна была по замыслу состоять из четырех частей, как и «Желтый дом»: «Иди на Голгофу», «Евангелие для Ивана», «Живи» и последней, четвертой части, предположительное название которой было «Умри». Обстоятельства сложились так, что замысел поломался, написание частей растянулось на десять лет, части были опубликованы отдельными книгами. Вездесущее КГБ и на этот раз, воспользовавшись определенными моментами нашей личной жизни, получило доступ к рукописи «Иди на Голгофу», и естественное и единственно правильное решение, которое принял Александр, — напечатать ее отдельной книгой и как можно быстрее. Она вышла в свет в 1985 году. «Евангелие для Ивана» издатель решил публиковать отдельно от «Иди на Голгофу», причем, — вместе с французским переводом. Третья часть, «Живи», вышла отдельной книгой в 1989 году. А последнюю часть Зиновьев дописал уже в 1991 году, опубликована она была на французском под названием «Царьград» в 1992 году, а на русском как часть книги «Смута» в 1994 году (в издательстве «Келвори»). В дописанном и переработанном виде она должна быть отнесена ко второй половине литературной деятельности Александра Зиновьева.

Основная тема книги «Иди на Голгофу» — положение в обществе человека, вставшего на путь создания своего личного государства и даже космоса. Герой книги — молодой русский

парень по имени Иван Лаптев, решивший выработать для себя новое мировоззрение, противостоящее господствующей идеологии, и новые правила жизни, не соответствующие общепринятым правилам поведения. Проблема эта отнюдь не специфически советская и тем более не специфически русская: многие тысячи молодых людей на Западе точно так же бьются над этой проблемой, только они не осознают ее так остро, может быть, как герой Александра Зиновьева. Лаптев сознательно заостряет ее и доводит до гротескно-гипертрофированных масштабов — до масштабов проблемы Бога-человека. Герой «Иди на Голгофу» дерзнул на самое грандиозное для отдельно взятого и рядового человека дело — на создание особой, новой религии, соответствующей положению человека в современном обществе. Конечно, это — литературный прием, позволяющий довести некоторые идеи до логически мыслимого предела, но прием этот очень реалистичен: люди так или иначе вынуждаются на такую дерзость.

Иван Лаптев скоро убедился в том, что путь к реализации его маниакального замысла ведет через Голгофу, т. е. через страдания, через жертву. Это — путь на крест, но его путь окончился неудачей: реальность оказалась гораздо страшнее того, что он предполагал в начале пути. Ему просто не позволили взойти на Голгофу. Тут со страшной силой разворачивается трагедия человеческой судьбы в наше время, которая состоит в том, что даже путь на Голгофу закрыт для бунтующего одиночки. Стремительно движущаяся вперед огромная безликая масса по имени общество отбрасывает отдельную личность настолько далеко назад, что людям потребуются, может быть, века только на то, чтобы завоевать возможность индивидуально пробиваться на Голгофу. Как тут не вспомнить ожесточенную реакцию советской государственной машины на попытки предельно индивидуального протеста одиночек-самосожженцев!..

Герои книги «Живи» суть инвалиды от рождения (безногий, безрукий и слепой) или же люди, сброшенные на самое дно общества и не имеющие шансов выкарабкаться на поверхность, добиться жизненного успеха. Но книга не ограничивается описанием только специфической жизни инвалидов и неудачников: просто выбор таких героев позволяет резко описать нормальные условия жизни современного общества, порождающие уродство, несправедливость, несчастье. Положение таких героев вынуждает их к постановке и обсуждению проблем, от которых уклоняются мыслители нормального общества или которые обсуждаются ими совсем не в реалистическом духе.

А героев «Искушения» больше всего волнует проблема, которая и для Александра Зиновьева была главной проблемой всей его жизни: как жить в условиях коммунистического общества, если оно вызывает у тебя протест, но ты не видишь возможности изменения его к лучшему и даже не знаешь, в чем это «лучшее» должно заключаться, если ты не можешь или не хочешь быть таким, как другие, если ты хочешь сохраниться в качестве нравственной личности. Если взять и сравнить линию Андрея Горева в «Живи» как личности нравственной, если вспомнить о желании проявить свой индивидуальный дар у Ивана Лаптева в «Иди на Голгофу» или о горячем стремлении Юрия Чернова из последней части «Искушения» выразить его отношение к комплексу жизни так, чтобы это увидели многие, то мы видим, что герои Зиновьева не находят оптимистического ответа на этот вопрос, ибо его в принципе не может быть. Тот идеал личности, который в той или иной форме и мере разделяют эти герои, не соответствует условиям коммунистического общества. Герои терпят жизненный крах, но это не значит, что автор призывает читателей отказаться от борьбы за этот идеал личности, вовсе нет: Александр Зиновьев хочет лишь показать, что коммунистическое общество еще в начале своего исторического пути, что борьба за его идеал личности по-настоящему еще только начинается, что нужно историческое время, чтобы отдельные исключительные одиночки смогли приблизиться к нему. Но попытки приближения к этому идеалу, стремление претворения этого идеала в жизнь неизбежны без жертв. Надо быть готовым к жертвенности, более того — надо еще завоевать самое первое условие-ступень — саму возможность пойти на жертву.

В 1983 году, к тридцатилетию со дня смерти Сталина, Зиновьев написал книгу «Нашей юности полет». В ней он высказал свое понимание сталинской эпохи и описал свои взаимоотношения со сталинизмом, что не было всего лишь данью личной биографии писателя. Приближалась к развязке «холодная» война, что сопровождалось со стороны Запада и антикоммунизма массивным оживлением памяти о сталинских репрессиях, к чему, собственно, умышленно и сводилось узколюбое, даже намеренное, понимание сути сталинизма, который декларируется как сущность коммунизма. Зиновьев — как человек с повышенным и обостренным чувством справедливости — не мог оставаться равнодушным к этому. Не будучи ни коммунистом, ни антикоммунистом, но оставаясь кристально честным человеком и корректным ученым, он протестует, наблюдая фронтальное разворачивание фальсификации советской истории, сталинизма и коммунизма, и этот протест становится одной из определяющих черт его литературной, публицистической и научной деятельности последующего периода его жизни и работы на Западе. Эта тема — тема сталинизма — заняла доминирующее место в книге «Исповедь отщепенца».

Второй период литературной деятельности Александра Зиновьева в эмиграции наметился уже в «Исповеди отщепенца», конкретнее — в последнем разделе, посвященном горбачевской перестройке, но предельно отчетливо он проявился в книгах «Катастрофика», «Смута», «Русский эксперимент» и «Новая утопия» (закончена буквально накануне нашего возвращения на Родину). Мне хочется обозначить основные черты этого периода, который, кстати, почти всеми был воспринят так, будто Александр Зиновьев коренным образом изменил свои взгляды на советское общество и на коммунизм вообще, будто из антисоветчика и антикоммуниста превратился в апологета советизма и коммунизма. Началось неизбежное в подобных случаях сравнение и сопоставление, вернее, противопоставление раннего Зиновьева позднему (как тут не вспомнить молодого Маркса и позднего, раннего Гоголя и зрелого, Толстого молодого и Толстого предзакатного, Достоевского — бунтаря и богоискателя). Но сравнение неправомерно, как я писала выше: к позиции Зиновьева неприменимо определение «апологет коммунизма и советизма», также, впрочем, как и нельзя его назвать антикоммунистом и антисоветчиком. На самом деле произошло следующее: живя на Западе, основательно изучая феномен западного мира, ход «холодной» войны Запада против советского блока, эволюцию советского коммунизма, крах Советского Союза и его сателлитов в Восточной Европе, а также будучи живым свидетелем обвала советского коммунизма, видя состояние постсоветской России и ее перспективы в новом качестве и в новых условиях на планете, — Зиновьев-ученый объективно констатирует как факт изменения самого окружающего мира, и таким образом изменяется для него и сам объект научного исследования и литературного творчества. Александр Зиновьев начинает писать о новых явлениях российской и мировой жизни, оставаясь на тех же гражданских позициях и руководствуясь теми же познавательными и эстетическими принципами, какие у него выработались с юношеских лет.

Тут складывается ситуация, подобная той, в какой оказался Зиновьев после смерти Сталина и его официального развенчания. Тогда бывшие сталинисты, оставаясь всегда и во всем последовательными конъюнктурщиками, в одночасье превратились в антисталинистов и многомиллионной партийной массой дружно ринулись поливать грязью своего бывшего кумира. Зиновьев, презирая подобных «храбрецов», публично заявил тогда, что он «не бьет лежачего» и что «мертвого льва может лягнуть даже осел», и завершает таким образом свою долголетнюю борьбу с культом Сталина. Тогда его зачислили в «недобитые культисты». Теперь, оставаясь верным своим принципам поведения уже в конце 80-х годов, он прекращает критику советского коммунизма, над которым нависает угроза разгрома и который действительно на-

чали безнаказанно громить сами бывшие апологеты коммунизма. Теперь объектом его критики могли стать только эти погромщики и то, что возникло в результате их погромной деятельности. Зиновьев не деградировал в апологета коммунизма, в чем его обвиняют, а оставаясь всегда верным истине, стал защищать породившую его эпоху, стал апологетом истины о коммунизме и о том, что пришло на смену ему в России.

Научно-объективные исследования того грандиозного перелома в эволюции человечества, который произошел во второй половине XX века и стать жертвой которого выпало на долю России и русского народа, результируют в совокупности и определяют переход Александра Зиновьева к новому этапу литературного творчества. Сочинения нового периода оказываются более насыщенными социологическими идеями, они становятся явно социологическими романами и повестями по сравнению с произведениями первого периода. Более того, в них усиливается прогностический аспект, так или иначе свойственный всему литературному творчеству писателя.

В блистательной именно с эстетической точки зрения «Катастрожке», ставшей очередным бестселлером в мировой литературе, Зиновьев предсказал катастрофические последствия горбачевской перестройки, пустив в оборот термин «катастрожка». Целиком книга была опубликована в 1990 году, но отрывки из нее начали публиковаться в различных журналах уже в 1987 году.

Следующая книга «Новая утопия» по крайней мере наполовину посвящена размышлениям о будущем постсоветской России, а завершающая второй литературный период Александра Зиновьева книга «Глобальный человек» вообще является прогнозом эволюции человечества в посткоммунистическую эпоху.

В литературных произведениях Зиновьева второго периода отчетливо виден их летописный характер. С этой точки зрения вся совокупность этих работ может быть расценена как хроника (летопись) событий советской истории, осмысленной научно и зафиксированной в особой литературной форме.

И в самом деле, «Катастрожка» написана в начале перестройки, где были четко определены ее истоки и описаны катастрофические последствия.

В «Смуте» описывается ситуация после провала «путча».

В «Русском эксперименте» дается картина ситуации в стране перед расстрелом «Белого дома».

В «Новой утопии» мы видим состояние России после завершения контрреволюции расстрелом «Белого дома» и назревание политического переворота, который на самом деле произошел накануне двухтысячного года.

Поэтому книга «Глобальный человек» на первый взгляд вроде бы выпадает из общего контекста литературных сочинений Александра Зиновьева, основным объектом и главным героем которых является русский коммунизм, но это кажется только на первый взгляд. На самом деле эта книга является вполне логичным завершением грандиозной зиновьевской эпопеи русского коммунизма. Книгу предваряет добротная и всесторонняя статья Леонида Грекова, написанная им с глубоким знанием и предмета, и — что особенно важно — автора. К этому предисловию я с удовольствием отсылаю читателя, который найдет в нем верную оценку этой удивительной книги как литературного и одновременно социологического шедевра. Л. И. Греков назвал ее в предисловии «Зияющими высотами» западнизма.

Таким образом, как мы видим, начав литературный период своей жизни с «Зияющих высот» коммунизма, Александр Зиновьев закончил его «Зияющими высотами» западнизма, невольно отдав должное традиции построения античной трагедии.

Во второй период нашей эмигрантской жизни в творческой деятельности писателя Зиновьева все больше место стала занимать публицистика и социологические исследования. В эти

годы им написаны книги «Запад» (или «Западнизм» во французском переводе), «Кризис коммунизма», «Гибель империи зла», «Великий эволюционный перелом» и «На пути к сверхобществу».

Начиная с 1990 года сочинения Александра Зиновьева начали регулярно печататься в России. Ему вернули советское гражданство, и у него зародилось намерение вернуться на Родину, однако обстоятельства сложились так, что нам пришлось прожить в эмиграции еще 9 последующих лет.

Главным из этих обстоятельств было отношение Александра Александровича к тому процессу, который стал захватывать Советский Союз после 1985 года (к горбачевской перестройке) и Россию — после распада Советского Союза в 1991 году (к ельцинским реформам), а также отношение к нему со стороны власти новой России. Со свойственной ему независимостью и принципиальностью, четко и аналитически недвусмысленно изложил он свое отношение к этому периоду советской и российской истории в социологических и публицистических произведениях «Горбачевизм», «Кризис коммунизма», «Гибель империи зла», «Посткоммунистическая Россия», а также в литературных — в социологических романах «Катастрожка» и «Русский эксперимент». Очевидно, что с таким пониманием советской контрреволюции и постсоветской социальной системы рассчитывать на благосклонное отношение со стороны новых хозяев страны не приходилось.

По его наблюдениям, начиная с середины девяностых годов на Западе разворачивается такая широкомасштабная вакханалия антисоветизма и оргия русофобии, что уже морально невыносимым представляется ему дальнейшее пребывание там, где мы жили и работали, начиная с 6 августа 1978 года. С другой стороны, в России стало заметно расти число людей, для которых Александр Зиновьев с его пониманием явлений современности становился единственным последовательным выразителем их умонастроений, в чем он убеждался во время своих приездов в Россию, где он имел многочисленные встречи-митинги с читателями. Он увидел, что нужен России.

Но окончательным толчком к принятию конкретного решения о возвращении на Родину послужило цинично-хладнокровное нападение НАТО и США на Сербию. Александр Зиновьев оценил это страшное начало, он понимал, что подобный сценарий в отношении России вынашивается и созревает для реализации в недалеком будущем. Он, как русский человек, как мыслитель с гражданской ответственностью, должен быть в сложившейся для России ситуации со своим народом — он должен разделить его судьбу. Ему принадлежит фраза, не рассчитанная на журналистский эффект: «Я возвращаюсь на Родину, чтобы умереть с моим народом».

* * *

Так вот и получилось, что 30 июня 1999 года самолетом «Аэрофлота» мы уже с двумя дочками — 27-летней Полиной и 9-летней Ксенией — вернулись на Родину, но уже в совсем другую страну: 21 год тому назад самолет «Люфтганзы» уносил нас в вынужденную эмиграцию из Советского Союза, а вернулись мы в Россию.

В одном из первых интервью по возвращении на Родину писатель Александр Зиновьев заявил, что прекращает свою литературную деятельность и сосредотачивается на работе в сфере социологических исследований. Похоже, что на этом действительно закончился литературный период его творчества: Зиновьев всегда держит свое слово.

Владимир Димитриевич, открывший Александра Зиновьева как писателя, назвал его первым писателем XXI века. Намного опередивший свое время как в области методов мышления и познания нашей сложной реальности, так и в способе ее интеллектуального изображения, а также продемонстрировав миру свой безошибочный метод социального анализа и историчес-

ки-политического прогноза, он являет собою воистину личность уникальную. Судьба этого гениального сына русского народа складывалась драматически на протяжении всей его жизни, а литературная — в особенности: Родина отвергла его. И только теперь, в конце XX века, открылись некоторые возможности для ознакомления широких кругов его соотечественников с результатами его литературного творчества, с результатами творческого подвига писателя, ученого, гражданина Александра Александровича Зиновьева.

Оценит ли русский народ его беспрецедентный подвиг по достоинству?